

26.85-13
H-12-13

№ 17

10 - Н-12

Комитет по культуре и искусству
администрации г. Ливны

Краеведческий музей

На берегах Быстрой Сосны

№ 17

Ливны, 2004г.

67069

Ливненская ЦБС
Ливновской области

Редакционная коллегия: А.Ю.Максимов, О.Н.Булатников,
О.Л.Якубсон, В.Н.Барабанов, Г.И.Цибизов

Оформление обложки — художник Владимир Артамонов.

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.

При перепечатке материалов альманаха ссылка на источник обязательна.

В сборнике использованы рисунки художника А.О. Мелконян и фотографии О.П. Тупикина.

Периодическое издание «На берегах Быстрой Сосны» рассчитано на широкий круг читателей и прежде всего учителей и учащихся, интересующихся вопросами краеведения.

А. Артемьев

Город Ливны и Ливенский уезд*

Выходит, что Ливенский уезд по плотности населения принадлежит к средненаселенным в Орловской губернии, где плотнейшими уездами должно считать имеющие средним числом более 50 душ на версту, средненаселенными — те, в которых приходится более 40 душ на версту, и наконец редконаселенными — те, в которых оказывается менее 40 душ на версту. (Орловский 58, Кромский 55, Болховский 53, Малоархангельский 51; среднее 54. — Елецкий 49, Ливенский 47, Мценский 44, Дмитровский 43, среднее 46. — Севский 36, Карачевский 33, Трубчевский 22, Брянский 16; среднее 27). — Средняя плотность населения вообще в губернии более 40 человек.

Число городских жителей составляет почти 1/20 или 5% общего населения уезда. Это отношение менее среднего в Орловской губернии, где в каждой сотне общего итога народонаселения приходится городских жителей около 8 человек. Точно так же оно менее и средней подобной пропорции в России. Это обстоятельство доказывает, что уезд Ливенский есть по преимуществу земледельческий, что развитие других видов промышленности, характеризующих городское направление жителей, в нем еще незначительно.

В рассуждении пропорциональности полов в населении замечаем, что в городе оказывается перевес в мужском поле, так что каждая сотня жителей состоит из 54 мужчин и 46 женщин. В населении же уезда преобладают женщины, которых в каждой сотне считается 52 против 48 мужчин. Это отношение остается и в общем итоге жителей города и уезда, т.е. приходится на 12 мужчин по 13 женщин. В частности, по сословиям преобладание мужского пола встречаем у дворян личных, купцов, в дворовых людях и между военными.

Движение народонаселения в Ливнах и Ливенском уезде представ-

*См. начало в №16

ляется в 1858 году в следующем виде:

	В городе			В уезде			Вообще		
	Муж.	Жен.	об.	Муж.	Жен.	Об.	Муж.	Жен.	Об.
Родилось	467	455	922	5572	5309	10881	6039	5764	11803
Умерло	418	413	831	4556	4536	9112	4974	4969	9943
Браков		166		1.991			2157		

Данные эти разберем по отношению их к населению города и уезда и по отношению между собою.

В первом случае открывается, что как число родившихся, так и число умерших и браков в городе гораздо значительнее, нежели в уезде. Тут мы замечаем, что рождаемость и смертность в Ливнах и уезде более, а число браков менее, нежели оказывается средним числом в губернии вообще. Точно так же эта пропорция выше средних пропорций рождаемости и смертности в России, где приходится 1 родившийся на 21-23 человека населения и 1 умерший на 30-33 человека.

В частности, если рассматривать мужской и женский пол отдельно, оказывается в городе родится мальчиков и умирает мужчин менее в отношении к общему итогу мужского пола, а в уезде — более, нежели родится девочек и умирает женщин в отношении к женскому населению. Но как рождаемость и смертность в уезде слабее городских, то и в сложности население городского с уездным при перевесе абсолютных чисел средняя рождаемость и смертность оказывается в мужском поле значительнее, нежели в женском, а именно родится в мужском поле 1 на 17, в женском 1 на 19; умирает в мужском поле 1 на 21, а в женском 1 на 22. Такое же отношение и в браках: 1 на 48 мужчин и на 52 женщины.

Рождаемость в отношении к числу браков также в городе больше, чем в уезде, однако разница эта не достигает таких величин, какие замечены были при выводе пропорции относительно к итогам населения. В городе на каждый брак приходится по 5,55 рождений (мальч. 2,81 и девоч 2,74), а в уезде — по 5,46 рождений (мальч. 2,79 и девоч. 2,67).

В общем числе родившихся насчитывается мальчиков более, нежели девочек. Это явление одинаково для города и уезда, только в

последнем пропорция почти на 1% выше.

Незаконнорожденных в 1858 году было:

в городе	29 мал.	41 дев.	70
в уезде	201	173	374
вообще	230	214	444

Отсюда видно, что число незаконнорожденных составляет 3,76% в общем итоге родившихся. В городе этот процент более чем удваивается, доходя до 7,5%, так что там приходится 1 незаконнорожденный на 12 законнорожденных.

Отношение числа родившихся к числу умерших составляет пропорцию 100:84,24, то есть 15,76% родившихся ежегодно делается приращением населения. В городе, однако, эта пропорция понижается до 9,8%, то есть там на 100 родившихся приходится умирающих 90,13. Следовательно, в городе увеличивается население естественным приращением медленнее; и действительно, там прибывает 1 на 119 человек населения, а в уезде 1 на 116 человек. — Приращение как в городе, так и в уезде, идет быстрее в мужском поле, а именно 17,36%; в женском только 13,80%.

В общем числе умерших в 1858 году перевес оказывается также на стороне мужского пола, однако не в такой степени, как в числе родившихся; а именно на 100 мужчин приходится 99,89 женщин. Пропорция эта обща для всей Орловской губернии. В Ливенском же уезде в некоторые годы, например, в 1857, оказывалось больше умерших женщин. И вообще, за последние пять лет, с 1854 по 1858 год включительно, перепись женского пола против мужского в числе умирающих в Ливенском уезде простирается средним числом до 2,21%, то есть на 100 мужчин насчитывалось 102,20 женщин, или в каждой сотне умирающих было 49,46 мужчин и 50,54 женщин.

К сожалению, материалы, послужившие источниками для настоящей статьи, не предоставляют никаких указаний на причины, от которых зависит такая смертность в женском поле. Замечательно в этом случае то обстоятельство, что подобный перевес оказывается в уездном населении соседних и близких с Орловской губерний: Тульской, Смоленской, Курской, Черниговской и Полтавской.

“Статистические таблицы Российской Империи за 1856 год” пред-

ставляют, что в уездах упомянутых губерний на 100 умерших мужчин приходилось женщин:

В Курской	104,84
Полтавской	103,32
Смоленской.....	103,99
Тульской.....	100,31
Черниговской	102,23

По этому явлению не должно ли заключать, что Орловская губерния принадлежит к какой-то особенной группе, где преобладание смертности в женском поле составляет характеристический признак отличия от других местностей. Догадка такая получает подкрепление себе в том, что замечаемая особенность не есть исключительная принадлежность упомянутых губерний. Напротив, тем же характером отличается смертность в губерниях Тверской (соседственной с Смоленскою) и далее в Ярославской, Владимирской, Костромской, Вятской. То же оказывается и в губерниях Саратовской, Симбирской и Пензенской. Эти последние губернии, не будучи смежными ни с одною из поименованных выше, представляются как бы островами на карте. Но если принять в соображение, что в Тамбовской губернии 8 уездов из 12, в Рязанской 7 из 12 и наконец в Калужской 7 из 11 точно так же представляют значительный перевес в смертности женского пола, то увидим, что только в одной Московской губернии, лежащей в самом центре этой площади, умирает мужчин более, нежели женщин.

Таким образом, особенную смертность женщин в Ливенском уезде, кажется, можно будет признать необходимым условием каких-то местных причин, которых влияние простирается от 49 до 70° восточной долготы и от 51 до 60° северной широты. Высказывая такую догадку, не осмеливаемся отстаивать ее, как положительно верный вывод. Для решения подобного вопроса нужны более подробные исследования, основанные на изучении несравненно большего рода наблюдений, нежели те, какими можно было располагать при составлении этого описания Ливенского уезда. Во всяком случае, казалось нам не бесполезным указать на связь замечаемого в Ливенском уезде явления с подобными же в других губерниях, которые, как мы видели, оказались смежными между собою.

В числе умирающих постоянно бывает более 1/3 детей на первом году от рождения. Такая смертность детей у нас в России почти повсеместна и, следовательно, в этом отношении Ливенский уезд не является каким-нибудь исключением. Смертность малюток этого возраста в сельском населении Ливенского уезда на 4—4,40% значительнее, нежели в городском. Но если поставить ее в соотношение с числом рождающихся, то выйдет наоборот и притом разница к невыгоде города оказывается в 15,30%. В городе число малюток, умирающих на первом году возраста, относится к числу рождающихся как 5:9; а в уезде — почти как 5:13. Другими словами, на 100 родившихся приходится умерших:

	мальчиков	девочек	об. пола
в городе	53,87	58,02	55,69
в уезде	42,78	39,95	40,17
вообще	43,30	40,80	42,08

Кажется, эти явления можно объяснить следующим образом: *в населении сельском* высшая пропорция смертности детей по отношению к общему числу умирающих, зависит от недостатка надлежащего ухода за детьми, в соединении с общим недостатком или совершенным отсутствием врачебных пособий; *в городе* — чрезвычайная смертность новорожденных детей, быть может, происходит от слабости самого их организма, в сравнении с урожденцами деревенскими, которых и родители родились и выросли незнакомленные с городским бытом. Важно значение города, как выражение общественного развития; но несомненно и то, что город, давая своему населению много новых вещественных и духовных благ, знакомит его в то же время с разными новыми заботами, трудами, нуждами и лишениями, вредоносно влияющими на жизнь. Предположение, что смертность детей в городе зависит, так сказать, от прирожденных причин, подтверждается уже и тем, что и в последующий возраст, до пяти лет включительно, смертность городских детей выше смертности детей сельских.

Дети этого возраста, как в деревне, так и в городе, само собою разумеется, живут еще совершенно на счет других, требуют за собою ухода, надзора и, конечно, такой уход в городе, как бы слабы ни

были, все-таки внимательнее и постоянное, нежели в деревне, где нередко дети, оставаясь на попечении малолетних нянек и дряхлых старух, по целым дням не видят пищи или едят что попало под руку, ползают и ходят, куда достали силы и ловкости.

При таком различии положений, казалось бы, должно ожидать смертности детей в городе не столь высокой, а однако встречаем противное. Очевидно, что причина смертности заключается в самих детях; что дети поселян, развиваясь в сближении с природою, как все животные, быстрее укрепляются в своих силах, делаются способнее переносить самые болезни, неизбежные в их возрасте.

Период от 5 до 10 лет представляет опять новую любопытную особенность, которая, кажется, тоже удобно объясняется различием быта городского от сельского. В этом возрасте смертность детей сильнее в уезде, чем в городе. Сельские мальчики и девочки этих лет, нет никакого сомнения, в общей массе несравненно крепче, здоровее своих городских ровесников. Но это самое преимущество и должно признать причиною их перевеса в смертности. Между тем, как дети горожан в эту пору пользуются лучшим бытом, растут под наблюдением нянек, дядек, гувернанток, — в деревне девочки того же возраста сами становятся уже няньками своих меньших братьев и сестер; а мальчик подчас уже водит лошадь на водопой, носит бремена дров. Не забудем и того, что свойственная возрасту шаловливость увлекает детей к таким проказам, опасных последствий которых они еще не сознают или, и понимая, все-таки позволяют себе попытать свои силы, выполнить свое намерение. Взлезть на дерево за птичьим гнездом, искупаться в реке, прокатиться в лодке и т. п., дела очень обыкновенные для детей поселян и, разумеется, не всегда благополучно сходящие.

Все эти соблазны гораздо менее знакомы детям горожан и оттого между ними гораздо реже случаи смертности от каких-нибудь несчастных обстоятельств: падений с высоты, ушибов, переломов, потоплений и проч. Вообще же, в первое десятилетие жизни смерть похищает детей больше в сельском населении, нежели в городском. И здесь, без сомнения, главною причиною бывает беспризор и в особенности беспомощность в случаях болезни. Мы не имеем никаких данных, чтобы доказать осязательно такое заключение, од-

нако не думаем, чтобы нашлись сильные опровержения против него. Довольно указать на одно то, как еще мало распространено между нашими поселянами оспопрививание и как много детей становятся жертвами этой болезни, почти всегда принимающей эпидемический характер.

Точно так же, хотя реже, важное влияние на увеличение смертности между детей оказывает и корь. Время от времени появляется в деревнях скарлатина, коклюш и т. п.; но эти болезни, как менее знакомые поселянам по имени, по всей вероятности, смешиваются с другими и даже в метриках попадают в широкий разряд “младенческих” и “воли Божией”. Но, кажется, все-таки можно сделать следующее заключение: если бы в сельском населении было более распространено оспопрививание, то смертность детей далеко была бы слабее, нежели в городах.

С 11 лет смертность поражает более население городское. Перевес этот продолжается в течение 35 лет, то есть до 46 года возраста. Разница за этот период между городом и уездом простирается до 3,60%. В частности она еще поразительнее: в первое пятилетие этого периода, в возрасте от XI до XV лет, число умирающих как в городе, так и в уезде, достигает своего minimum. Это пятилетие, так сказать, переходное, в которое, как мужеской, так и женский пол, во всех слоях общества, в городском и сельском быту, готовится быть настоящим деятелем, хотя поселяне уже и в эту пору принимают довольно участия в работах. Быть может, значительный перевес умирающих этого возраста в городе не должно ли относить к детям крестьян, поступающих в город на службу: перенесенные вдруг из того быта, в котором росли дотеле, они, естественно, должны подвергаться большему влиянию нового рода жизни, нежели их ровесники, привыкшие к такой жизни с детства.

С другой стороны, также вероятно будет предположение, что слабосильные от рождения дети горожан с большим трудом переносят этот критический период развития физического и делаются чаще жертвами смерти, нежели дети поселян. Чтобы решить с точности этот вопрос, нужно иметь более подробное распределение умирающих по образу их жизни и по местам родины, чего, к сожалению, статистика не только у нас в России, но и везде не имеет, а только

еще ожидает от собирателей данных.

С XVI-летнего возраста смертность вновь усиливается как в городе, так и в уезде. С начала, впрочем, она остается почти в тех же границах, в каких замечается в последнее пятилетие; но затем поднимается выше и выше и в общей сложности 15 лет, то есть от XVI до XXX, в городе увеличивается на 13%, а в уезде на 1,84%. В следующие 15 лет в городе смертность еще возрастает на 41%, а в уезде на 19%. С XLVI и по LX год смертность в городе оказывается ниже предшествовавшего периода; а с LXI года по LXXV включительно вновь поднимается; в уезде же достигает она своего maximum к LX-летнему возрасту, а после того понижается с весьма правильною постепенностию до последних пределов жизни человеческой.

Что касается степени смертности в период старческого возраста, свыше 75 лет, то она в городе оканчивается, не достигая и ста лет; в уезде же, если только верны метрические показания, она продолжается несравненно далее, и здесь встречаются даже пережившие сотню лет.

Общий вывод из этого обозрения смертности по возрастам получается такой, что смертность в городе бывает выше в возрастах средних, а также и в переходный период от детства к молодости; в уезде же, напротив, больше смертность в периоды детства и старчества. Жизнь протекает в уезде правильнее, нежели в городе, который, привлекая к себе рабочие силы извне, истощает и сокрушает их преимущественно в цветущую их пору.

В отношении различия степени смертности по полам, усматривается также, что в городе умирало больше девочек до X лет, а с этого возраста и до XLY лет большинство умиравших переходило на сторону мужского пола: в уезд — с XVI и до LXXV лет большинство умирающих состояло из женщин; возрасты детский до X лет и старческий свыше LXXV лет обильнее жертвами мужского пола; в переходный период с XI до XV лет число умерших в уезде было одинаково в обоих полах.

Распределение умерших по возрастам дает возможность определить среднюю продолжительность жизни умирающих и количество полезных годов, прожитых ими. Выводы эти для большего удобства размещаем в таблице.

а. Средняя продолжительность жизни:

	муж. пола			жен. пола			вообще.		
	лет.	мес.	дн.	лет.	мес.	дн.	лет.	мес.	дн.
в городе	17	8	2	17	2	12	17	5	11
в уезде	15	5	6	17	11	-	16	8	5
вообще	15	7	4	17	10	12	16	8	25

б. Количество полезных годов:

	муж. пола			жен. пола			вообще		
	лет.	мес.	дн.	лет.	мес.	дн.	лет.	мес.	дн.
в городе	8	-	26	3	7	23	5	10	5
в уезде	7	-	17	3	11	26	5	6	4
вообще	7	1	14	3	11	17	5	6	11

Отсюда видно, что в городе продолжительнее жизнь мужчин, а в уезде — жизнь женщин. Соответственно тому и количество полезной жизни в городе больше у мужчин, а в уезде — у женщин.* Так и должно быть, потому что в городе между умершими оказывается перевес против женщин в возрастах совершенных; а в уезде наоборот — в эти возрасты умирает больше женщин. Вообще же, уменьшение продолжительности жизни в уезде происходит от весьма большой смертности детей на первом году от рождения. Число их составляет почти 2/6 общего итога умерших; а жизнь всех их равняется едва 1/137 общего количества годов, прожитых всеми умершими. От этого самого зависит и увеличение или уменьшение полезной жизни: чем более между умершими людей совершеннолетних и стариков, тем более в итоге получается годов полезной жизни.

Нельзя, однако, не заметить, что это самое исчисление средней жизни умирающих и среднего количества полезных лет их очевиднее всего доказывает, как еще много нужно сделать, чтобы наше народонаселение не растрачивало свою жизнь, этот драгоценный капитал. Нет сомнения, что когда в массе народа разольется большее

* Неизлишним считаем заметить, что при выводе полезной жизни женщин принято было считать два года жизни женской за один год жизни мужчин.

просвещение и благосостояние, то смертность значительно сократится, а с тем вместе увеличится и продолжительность жизни и ее полезность.

Но прежде всего стоит необходимость распространения в народе правильных гигиенических понятий, доставления способов к врачеванию, к получению лекарств и проч. Недостаток врачей, аптек, оспопрививателей, акушеров и т. п. еще так велика у нас, что неудивительно, если наше простонародье не имеет надлежащих понятий о здоровье и врачевании и прибегает к пособиям доморожденных знахарей и знахарок. Этот самый недостаток в значительной степени ослабляет упреки, делаемые обыкновенно нашему простонародью за его недоверие к врачам, за его пристрастие к способам леченья суеверным и т. п. Кому доверять, к кому обратиться за помощью, когда у нас средним числом приходится один врач на десятки тысяч населения, а аптек еще менее...

Очевидно, что как врачу, при всем его усердии к своему долгу, физически невозможно оказывать пособие каждому нуждающемуся, — так и больному, при самом искреннем желании лечиться правильно, нельзя добраться до врача ученого. Что народ наш верит в медицину, признает ее пользу, — это доказывается существованием знахарей и знахарок почти в каждом селе. Положим, что из них ни один ничего не знает; но в народе пользуются большим доверием те, которые, как известно, приобрели знания преемственно от такой-то или такого-то, то есть учились врачению: только настоятельная крайность вынуждает крестьянина обращаться к знахарю-выскочке.

Все доселе сказанное не должно казаться отступлением; напротив, все это само собою истекает из тех цифр, какими выражается смертность, продолжительность и полезность жизни нашего народонаселения. В строгом смысле обыкновенную смертность в России нельзя назвать нормальной: она нормальна только по отношению к условиям, под какими в настоящую пору родится и вырастает народонаселение России. Не такова должна быть, не такова со временем будет эта норма, когда увеличится повсеместно число врачей, когда распространятся более гигиенические наблюдения за общественным здоровьем, когда перестанет всякая болезнь получать эпидемический характер. Скоро ли настанет это, — статистика предсказать не

может; но ей принадлежит право указывать на причины явления, на способы к изменению или устранению его и затем выражать желание или надежду на скорейшую перемену.

Выше мы коснулись плодородия браков в Ливенском уезде, теперь обратим внимание на степень склонности жителей к брачной жизни, выражающейся отношением числа браков к числу жителей. В городе приходится брак на 65,28 человека населения, а отдельно по полам на 35,30 мужчин и на 29,98 женщин; в уезде на 1 брак приходится 103,10 человека: 49,67 мужчин и 53,43 женщины; вообще же 1 брак на 100,47 человека: 48,37 мужчин и 51,60 женщины.

Вывод этот получается из данных за 1858 год; но если принять в соображение сложность нескольких лет, то открывается следующая пропорция: *в городе* — на каждый брак причитается 44,29 мужчины и 37,61 женщины, всего 81,90 человек; *в уезде* — 49,90 мужчин и 53,66 женщины, а всего 103,56 чел.; *вообще* — 49,43 мужчины; 52,52 женщины, или 101,95 человека.

Таким образом в городе вступают в брак несравненно чаще, нежели в уезде. Главная причина этого заключается в перевесе мужского пола в городском населении, потому что всегда и везде, где в населении более мужчин, там бывает более и браков, так как в этом случае уравнивается пропорция между женихами и невестами, т. е. между лицами, способными вступать в брак.

Большинство браков в Ливенском уезде, как и везде, заключается между холостыми мужчинами и девицами; браки смешанные, то есть заключаемые между холостыми и вдовами, или между вдовцами и девицами — заключаются гораздо реже; самое меньшее число браков бывает между вдовцами и вдовами. Всего лучше это видно из нижеследующей таблицы, составленной из данных нескольких лет:

	в городе	в уезде	вообще
холостые с девицами	72,50	62,50	62,90
холостые с вдовами	12,50	22,70	22,20
вдовцы с девицами	10,00	13,20	13,10
вдовцы с вдовами	5,00	1,60	1,80

Подводя итоги холостых, девиц, вдовцов и вдов отдельно, получим:

на два квартала, неравные по числу домов и жителей: первый на 1/3 меньше второго и в нем приходится по 16 человек на каждый дом, во втором же только по 11 человек. При всем том, на самом деле, гораздо теснее живут во втором квартале, в котором число небольших домов несравненно значительнее: так, например, здесь ровно на половину дома крыты соломою, в одно и два окна, тогда как в первом квартале число домов крытых соломою не составляет и четвертой части. Беднейшие домики находятся по оконечностям города, в слободе Солдатской, на так называемой Воробьевке, и преимущественно за речкою Ливенкою. Присовокупим еще к этому, что из числа казенных домов, корпус, занимавшийся присутственными местами, по ветхости и неисправности оставлен с 1853 года точно в таком же положении и один общественный дом, в котором помещалась ратуша: с 1855 года городские присутственные места выведены в частный дом. В городе считается 26 улиц и переулков, из них 17 вымощены камнем.

Размещение жителей в уезде можно видеть из следующей таблицы, в которой представляется число всех населенных местностей в уезде и число находящихся в них дворов.

Названия населенных местностей	в 1 стане		во 2 стане		всего в уезде	
	число	в них дворов	число	в них дворов	число	в них дворов
Сел	43	4810	37	4209	80	9.019
Селец	21	205	56	1183	77	1388
Слобод	8	720	2	285	10	1005

половине 4 часа по полудни и окончился к 6 часам, истребив, в лучшей части города, 116 домов (14 (каменных) со всеми надворными службами и 22 лавками; кроме того сторели еще 22 лавки отдельно стоявшие, 2 питейных дома и несколько дворов в подгородной Никольской слободе. В одном из погоревших домов помещался Земский Суд, а в другом аптека. Весьма много погибло товаров, особенно у купцов Добродеева и Соболевых, одних из первых торговцев пенькою, кожами и хлебом. Деятельное участие в прекращении пожара принимали нижние чины Селенгинского пехотного полка.

Деревень	99	3157	155	3885	254	7042
Хуторов и других мелких сельбиц	13	56	10	87	23	143
Итого	184	8948	260	9649	444	18597

Из этой таблицы усматривается, что в первом стане, составляющем северную половину уезда, т. е. лежащую налево от реки Сосны*, число населенных местностей на одну треть менее, нежели во втором стане, к тому же и самые селения во втором стане оказываются более обширными по числу заключающихся в них дворов. Весьма больших и многолюдных селений в Ливенском уезде нет: из 444 населенных местностей только в селах Малинове, Борисоглебском, Любовше, Коротыше и Гатище считается более 200 дворов; в 6 селах и 1 слободе более 150 дворов; в 7 селах и 1 слободе более 125 дворов; в 6 селах, 1 слободе и 1 деревне более 115 дворов; в 7 селах, 2 слободах, 2 деревнях и 1 сельце более 100 дворов. По числу жителей селения первого стана являются многолюднее селения второго стана: так в первом на каждую населенную местность приходится, средним числом, от 515 до 530 душ обоюго пола; во втором же только от 425 до 438 душ. В первом стане жители размещаются просторнее: здесь на каждый двор приходится средним числом с небольшим по 10 человек; во втором же приходится почти по 12 человек на каждый двор. В отношении к сословиям заметим, что у крестьян государственных приходится по 10 человек с лишком на каждый двор, а у помещичьих около 10 человек.

Собственно, по этим отношениям еще нельзя делать заключения, что там живут теснее, где причитается большее число душ на каждый двор. Чаще всего такое отношение служит доказательством противоположного: где просторнее и обширнее дома, там, конечно, более помещается и жителей и они располагаются в них с большим удобством.

По этой самой причине считаем не излишним сообщить некоторые подробности о внешнем виде и устройстве селений Ливенского уезда и находящихся в них домов. Прежде всего заметим, что в це-

*Становая квартира 1 стана помещается в селе Воротыньск, в 7 верстах от города; а квартира 2 стана в селе Студеном Колодезе, в 30 верстах от города.

лом уезде считается 320 помещичьих домов (из них 20 каменных), которые по своей обширности и по принадлежащим к ним службам, само собою разумеется, не должны входить в общее соображение. Точно также нельзя придавать никакого особенного значения нескольким (9) каменным зданиям, в которых помещаются Волостные Правления в казенных селениях, два-три дома каменных и два-три дома деревянных городской постройки, находящихся в селах и принадлежащих однодворцам*. Дома священно- и церковнослужителей тоже более или менее имеют свою физиономию и не могут идти в сравнение с домами крестьянскими, равно как и постоялые дворы (в 1 стане 14, во 2 — 27), устраиваемые для особых целей..

Крестьянские дома в Ливенском уезде все почти одинаковы между собою по внешности и внутреннему расположению. Чаще всего дом, состоит из одной избы, у которой редко встречаются два небольших окна на улицу. Несравненно более таких изб, у которых только одно настоящее окно, а другое заменяется так называемым слуховым окошком — небольшим отверстием, обыкновенно закрывающимся деревянною задвижкой. Другое подобное слуховое окно прорубается на двор, обыкновенно с полатей или с печи. В помещичьих деревнях нередко встречаются и такие избы, в которых вовсе нет окон со стеклами, а прорублены только слуховые оконца: два на улицу и два на двор; в иных селениях одно из уличных окон делается побольше и на лето в него вставляется рама со стеклом. Гораздо реже встречаются в уезде дома, состоящие из двух изб, разделенных по фасаду сенями: одна из этих изб устраивается без печи и служит жильем только в летнюю пору; зимою же заменяет собою кладовую.

Дома везде деревянные, крытые везде соломой. Кровля делается сплошною с подряд стоящими сараями: в окрестностях рек Тима, Трудов, Кшени, Олыма, Сосны, Малой и Большой Чернавы, в берегах которых добывается довольно камня, — сарай и даже заборы дворов строятся большею частю из камня; в других же местах уезда все эти постройки делаются из плетня.

Дома крестьян строены довольно тесно один к другому и оттого, при сплошных крышах на всех надворных строениях, иногда целая

деревня представляется какою-то одною громадною и довольно безобразною постройкою. В селениях однодворческих и большею частью при больших дорогах замечается более правильности: дворы крестьян стоят отдельно один от другого и если где соединяются, то не более двух-трех вместе. Многие селения расположены так, что одну сторону улицы составляют избы с сараями, а противоположная застраивается клунями или кладовыми. В иных же селениях, преимущественно в удаленных от больших путей сообщения, встречается совершенно иной порядок устройства крестьянских дворов, носящий на себе какой-то азиатский характер или напоминающий то время, когда в Ливенском уезде еще рыскали ордынцы и вольные казаки. В этих селениях избы ставятся внутри двора, а на улицу выдвигаются сараи с воротами посреди них. Проезжая такую деревню, видишь только одни соломенные крыши да глухие стены и разве где-нибудь в переулочке, тесный до того, что в нем едва возможно проехать, — выглядывает крошечное слуховое окно. Мрачен и неприветлив вид такой деревни, особенно в пору распутицы, в грязь: эта замкнутость, отчуждение от света, невольно возбуждает много догадок и соображений о быте жителей.

В юго-восточной части уезда Воронежской губернии и Старооскольского уезда губернии Курской селения опять имеют особую физиономию, близкую к селениям Малороссийским. Крестьянские дворы не составляют улиц, а, разбросанные в беспорядке, стоят отдельными усадьбами, довольно далеко друг от друга, и обсажены густым ракитником. Избы здесь также чаще отодвинуты внутрь двора; если же где выставляются на улицу, то непременно окнами, сени же и дворы устраиваются со двора. Избы в этих селениях и потому еще похожи на Малороссийские, что почти все внутри и снаружи выбелены и устроены с дымовыми трубами, обыкновенно проведенными не в потолок, а в сенную стену и уже из сеней под кровлю.

В остальных частях уезда везде, даже и на больших дорогах, особенно подалее от городов, за исключением постоялых домов, почти все избы отапливаются "по-черному", то есть устроены без дымовых труб, а огромные печи заменяют и бани. Копоть и сажа в течение многих лет, садясь на стены и потолок, образуют толстую кору. Еще более грязны становятся эти избы от того, что в ряде из них есть

*В целом уезде считается только 36 каменных домов.

деревянные полы. Черноземный грунт земли, не укрепленный ничем, во время сырой погоды, а зимою от наносимого на обуви снега и вообще от неопрятности в домоводстве, распускается под ногами и увеличивает грязь. Присоедините к тому, что зимою в тех же избах, вместе с людьми, помещаются телята, ягнята, поросята, домашняя птица; что избы топят жарко, потому что в окнах не бывает зимних рам, — и тогда можно себе представить, в какой атмосфере живут крестьяне, какими удобствами пользуются они, какое влияние должен оказывать подобный быт вообще на здоровье и жизнь крестьян.

Приступая к обозрению промышленной деятельности Ливенского уезда, мы считаем необходимым оговориться, что, к сожалению, материалы, послужившие источниками нашей статьи, не отличаются особенною полнотою по этой части. Впрочем, все-таки эти сведения, по видимому, собраны довольно тщательно. Они относятся почти исключительно к 1857 и 1858 годам; и только в некоторых случаях приводятся еще цифры 1856, 1855 и в особенности 1854 года.

Ливенский уезд — земледельческий по преимуществу. Это доказывается как тем, что по количеству пахотной земли Ливенский уезд оказывается первым в Орловской губернии, так в особенности по количеству засеваемого и собираемого хлеба. В Ливенском уезде всей пахотной земли считается 409 084 десятины, то есть почти $6/7$, площади целого уезда. Если взять это количество пахотной земли в отношении к числу крестьян только одного мужеского пола, то выйдет, что на каждого из них приходится по $4\frac{3}{4}$ десятины земли. В частности, у крестьян государственных средним числом оказывается почти по $3\frac{4}{5}$ десятины на душу, а у помещичьих по $6\frac{1}{2}$ десятины. (В изданных Министерством Государственных Имуществ “Материалах для статистики России” в Ливенском уезде весь надел земли на каждую душу казенных крестьян высчитан в 3,89 дес., а собственно пахотной только 3,39 дес. См. Выпуск 2 стр. 258. Заметим также, что здесь показано число крестьян по 10 ревизии 61405 д. муж. п., тогда как в нашей статье, по сведениям, полученным из Орловской Казенной Палаты, значатся 62317 душ).

Небольшие участки земли, составляющее собственность купцов, мещан и других сословий, здесь в расчет не принимаются. Вообще говоря, такое отношение пахотной земли к числу земледельцев еще

нельзя назвать высоким; но если принять в соображение, что из общего числа этих земледельцев настоящими работниками можно считать не более $2/3$, а остальных малолетними и стариками, в таком случае у государственных крестьян будет приходиться на каждого работника почти по $5\frac{3}{4}$ десятины пахотной земли, а у помещичьих даже по $9\frac{3}{4}$ десятины. Такую пропорцию уже должно признать весьма значительною, особенно при той плотности населения, какою отличается Ливенский уезд, в котором на каждого жителя приходится менее $2\frac{1}{4}$ десятин земли всякой.

Нет сомнения, в этом самом обстоятельстве заключается и причина того, что ценность земель в Ливенском уезде весьма высока. По сведениям, собранным и обнародованным Земским отделом Центрального Статистического Комитета, видно, что средняя цена за десятину незаселенной земли в Ливенском уезде, в течение пятилетия, с 1854 по 1859 год, была 34 р. 37 к. Выше этого продавались земли только в 22 уездах из всех 46 губерний, о которых обнародованы сведения; да и то некоторые из них (например, Хоперский округ в землях войска Донского, уезды: Каменец-Подольский, Ольгопольский и Могилевский — в Подольской губернии и Уманьский — в Киевской) нельзя принимать в соображение, потому что в них было по одному или по два случая продажи земель; точно так должно исключить и уезд С.-Петербургский, в котором в 6 случаях продажи цена за десятину была самая наивысшая 67 р. 97 к., что, разумеется, зависело от совершенно исключительного положения этого уезда в общем составе целой Империи. Затем остаются следующие 16 уездов:

<i>губернии</i>	<i>р</i>	<i>к</i>	<i>случаев продажи</i>
Тульской Епифанский	49	15	18
Московской Московский	47	72	26
Курской Суджанский	47	16	7
Рязанской Рязанский	46	57	38
Орловской Кромский	39	88	25
Тульской Ефремовский	39	80	21
Крапивенский	39	70	20
Одоевский	39	39	24

Курской Фатежский	37	43	14
Киевской Липовецкий	35	95	6
Воронежской Бирюченский	35	82	6
Московской Богородский	35	78	19
Орловской Малоархангельский			
	35	26	174
Курской Путивльский	34	83	11
Воронежской Землянский	34	57	31
Орловской Мценский	34	49	48
Ливенский	34	37	17

Должно заметить, что почти во всех этих уездах и самая плотность населения гораздо значительнее плотности населения Ливенского уезда. Следовательно, весьма естественно, что и ценность земель должна стоять выше.

На всем пространстве пахотной земли в Ливенском уезде засева-ется озимого хлеба более 209000 четвертей, ярового более 414000 четвертей и картофеля более 29.000 четвертей. В точности неизвестно, в каком количестве каждого рода хлеба засева-ется на землях государственных, помещичьих и т. п., но приблизительно полагается:

озимого:

на землях государственных более 87.000 четвертей.
 помещичьих около 60.000
 крестьян крепостных около 60.000
 прочих сословий более 2.000
 Итого более 209.000

ярового:

на землях государственных около 182.000 четвертей.
 помещичьих более 128.000
 крестьян крепостных около 100.000
 прочих сословий около 4.000
 Итого более 414.000

картофеля:

на землях государственных почти 18.000 четвертей.

помещичьих около 1.300
 крестьян крепостных около 10.000
 Прочих сословий около 200

Итого более 29.000

Эти данные показывают, что посе-вы государственных крестьян не столь значительны, хотя количество земель, принадлежащих им, гораздо более, нежели у помещиков и их крестьян.

Урожай в последние годы высчитывался в следующем размере:

озимого:

на землях государственных более 111.000 четвертей.
 помещичьих более 135.000
 крестьян крепостных более 135.000
 Прочих сословий около 7.000

Итого более 388.000

ярового:

на землях государственных около 487.000
 помещичьих более 486.000
 крестьян крепостных около 380.000 четвертей.
 прочих сословий более 19.000

Итого более 1.372.000

картофеля:

на землях государственных около 46.000 четвертей.
 помещичьих около 5.000
 крестьян крепостных около 16.000
 прочих сословий более 1.000

Итого около 68.000

Если только верны эти показания, то выходит, что чистой прибыли, за возвращением семян, было в озимом хлебе более 85%, в яровом 236% и в картофеле около 135%. Но в частностях степень урожая оказывается чрезвычайно различною:

	озимого	ярового	картоф.
на землях государственных	28%	168%	156%
— — помещичьих	125%	280%	285%
— — крепостн. крестьян	125%	280%	60%
— — прочих сословий	250%	375%	400%

Отсюда видно, что у государственных крестьян урожай был слабый; на всех землях помещичьих средний и самый высший на землях купеческих, мещанских и других, посевы на которых впрочем весьма незначительны. Заключается ли причина такой разницы в степени плодородия почвы или в степени обработки земли и доброкачественности семян, — положительно неизвестно; но без сомнения влияли здесь все эти условия. Земли помещичьи повсеместно в целой России относительно лучше, нежели земли казенные, за весьма малыми исключениями; обработка и удобрение их точно так же производятся тщательнее, — следовательно, и результаты земледелия, естественно, должны оказываться выгоднее. Так, например, урожай картофеля на землях собственно помещичьих, превосходящий почти впятеро урожай того же растения на землях крестьянских и почти вдвое на землях государственных, очевидно, был следствием и лучшей посадки, и более тщательного окапывания и окучивания, требующих усиленного труда, возможного только при барщинном способе производства работ.

Что касается урожая на поземельных участках прочих лиц, то и его успешность, конечно, происходила как от того, что многие из этих земель лучше по своему качеству, так и от того, что они были тщательнее обработаны и засеяны, чему способствовала капиталность тех лиц, которым принадлежат эти земли.

Господствующая система земледелия — трехпольная и потому не станем здесь входить в особые подробности по этому предмету. Относительно видов разводимых в Ливенском уезде хлебов и сравнительной их степени урожая представляем следующую таблицу, показывающую посев и сбор за 1854 год:

	Посеяно	Собрано	Чистая прибыль	
	четвертей	четвертей	в уезде	в губернии
ржи	195.526	393.282	101%	133%
пшеницы	13.480	32.035	138%	284%
ячменя	10.925	31.925	200%	166%
гречихи	51.610	121.743	136%	183%
проса	12.296	40.129	226%	354%
овса	331.917	1.302.203	292%	260%
картофеля	28.716	71.143	148%	223%
итого:	644.470	1.992.460	200%	250%

Сверх того в том же году посеяно было льняного семени 3.750 пудов, конопляного 28.285 пудов; собрано льняного семени 6.568 пуд. и волокна 1.050 пуд., конопляного семени 40.533 пуда и пеньки 51.847 пуд.

Таким образом, хлебные растения, возделываемые в Ливенском уезде, по степени их урожайности располагаются в следующем порядке: овес, просо, ячмень, картофель, пшеница, гречиха и рожь. Первенство принадлежит тем видам хлебов, которые по преимуществу носят название яровых; только одна гречиха, относящаяся также к этому разряду, хотя по количеству посева и сбора занимает одно из первых мест, однако по чистой прибыли, приносимой ее урожаем, нисходит на предпоследнее место, превосходя своею прибыльностью только одну рожь.

Количество всех посевов и всего сбора разных хлебов в Ливенском уезде в отношении к количеству посевов и сбора в целой Орловской губернии составляет почти четвертую часть, а именно 23%; в такой же пропорции оказывается и чистая прибыль урожая. В частности же по каждому виду получают следующие выводы:

	посев	сбор	чистая прибыль
рожь	19%	16%	14%
пшеница	30%	18%	14%
ячмень	23%	25%	26%
гречиха	26%	22%	19%
просо	77%	55%	49%
овес	25%	28%	29%

чти нет, да и те, которые уцелели доселе, не сберегаются рациональным образом: владельцы, несмотря на видимый недостаток леса, заботятся только о том, чтобы поскорее и выгоднее продать его промышленникам на сруб*.

Состояние *скотоводства* в Ливенском уезде можно видеть из следующей таблицы, составленной из средних чисел количества скота, показанного в отчетах за последние четыре года. Средние числа принимаются здесь потому, что исчисление скота вообще у нас заслуживает доверия гораздо меньше, чем исчисление жителей. Сверх того значительные колебания в количестве скота действительно оказываются от нередких падежей. Поэтому, кажется, справедливее принимать средние числа как показывающие возможно вероятное, а отнюдь не точное количество скота и вообще состояние скотоводства, а не успехи его.

	<i>в городе</i>	<i>в уезде</i>	<i>всего</i>
лошадей	до 530	56000	56530
рогатого скота	520	17000	17520
овец	30	110400	110430
коз	40	450	490
свиней	650	29000	29650

Заметим, что действительные числа каждого рода отдельно мало удаляются от этих средних выводов, превышают их или понижаются против них только несколькими сотнями. Против же 1854 года, который здесь и не принять в расчет, числа эти оказываются вдвое, втрое и даже в 14 раз меньше. Так, в 1854 году показывалось лошадей 162.934, рогатого скота 257.750, овец простых 203.125. Очевидно, что эти показания нельзя принять за точное количество скота в Ливенском уезде; с другой же стороны, нельзя допустить и того, чтобы ошибка исчисления (положим, примерного) могла простираться до такой разницы. По всей вероятности, столь большие числа 1854 года явились в статистических отчетах не без причины, не от ошибки.

*Лесничество Ливенское состоит из уездов Ливенского и Малоархангельского; в нем считается 166 казенных лесных дач, под которыми земли 8.995,5 дес. Лес преимущественно кустарный и дровяной и только малая часть строевого.

или небрежности собирателей сведений. Причиною такого увеличения числа скота в Ливенском уезде, быть может, должно искать в том, что в 1854 году, в самый разгар восточной войны, Ливенский уезд, как и в старину, сделался одною из главнейших военных дорог в Крым и потому в нем, весьма естественно, собралось весьма много извозных лошадей, начали прогоняться гурты, предназначенные для продовольствия войск и т. п. Не имея положительных доказательств в подтверждение такой догадки, думаем, однако, что ею можно в некоторой степени оправдать замечаемую необыкновенную разницу в количестве скота до и после 1855 года.

Ливенский уезд по общему количеству всего скота занимает третье место в Орловской губернии, уступая первенство Елецкому и Брянскому. В частности же, лошадей в нем меньше, нежели в уездах Трубчевском, Елецком и Брянском; рогатого скота меньше против уездов Брянского, Елецкого, Севского, Малоархангельского и Трубчевского; по числу свиней уступает Елецкому, Севскому и Брянскому; по числу овец уступает только одному Елецкому уезду.

В отношении к населению Ливенского уезда оказывается, что на 100 душ жителей приходится лошадей 26, рогатого скота 8, овец 51 и свиней 14. Эти пропорции гораздо ниже средних в Орловской губернии вообще; из чего и получается прямой вывод, что, хотя по абсолютному количеству скота уезд Ливенский занимает одно из первых мест в губернии, однако по отношению к населению скотоводство его незначительно и еще требует многого, чтобы сравняться с уездами, богатыми скотом.

Точно так же неудовлетворительно состояние скотоводства и по отношению к пространству земли, занимаемой уездом. На каждую квадратную версту земли причитается в Ливенском уезде по 12 лошадей, почти по 4 головы рогатого скота, по 24 овцы и по 6 свиней. Здесь только по числу овец пропорция оказывается выше средней по губернии; в остальных же видах скота эти пропорции гораздо ниже. Если взять в соображение только одно количество выгонной и пастбищной земли, то в этом случае окажется, что даже и в самом овцеводстве пропорция в Ливенском уезде ниже подобной пропорции по губернии. На каждую десятину выгонной и пастбищной земли приходится:

	в уезде	в губернии
лошадей	10	20
рогатого скота.	3	12
овец и пр	20	30
свиней	5	9

Таким образом, конечное заключение выводится такое, что скотоводство — эта важная отрасль сельского хозяйства, служащая основою и поддержкою земледелия, — в Ливенском уезде еще далеко не соответствует земледелию и только что удовлетворяет местным потребностям жителей. Вместе с этим открывается, что и самое земледелие, как во многом зависящее от развития скотоводства, еще не достигает тех широких размеров, какие возможны при правильном соответствии к нему скотоводства. Разводимый в Ливенском уезде скот не отличается и своею породою; хотя в уезде и находится 16 конских заводов, но они производят преимущественно лошадей простых, и только заводы гг. Хитрово, Петровского и Графа Ростопчина пользуются сравнительно большею известностию и производят лошадей чистых скаковых и рысистых усовершенствованных пород. Нельзя однако не упомянуть, что государственные крестьяне слободы Успенской, в 6 верстах от города, имеют своих хороших доморощенных лошадей, продаваемых иногда по 200 р. сер. и более. Есть также в уезде 3 завода рогатого скота; но все они не отличаются особыми достоинствами. В общем итоге показываемых в уезде овец тонкорунных считается не более 1.400; так что это количество нельзя иначе назвать, как слабою попыткою акклиматизации тонкорунной породы. Свиньи с большою выгодною разводятся в губернии повсеместно, но и в этом отношении уезд Ливенский еще не достиг той степени, которая ставила бы его впереди всех уездов.

Что касается других видов разведения разных животных, то должно сказать, что *птицеводство* в уезде довольно успешно, чему способствует сбыт битой птицы зимою в Тулу, Калугу и Москву. В городе занимаются этим промыслом 4 торговца, служащие посредниками между сельскими производителями и иногородними потребителями

Пчеловодство в уезде, по недостатку лесов, пасечное; им занимаются не многие, тем не менее, по сведениям, в уезде насчитывается до 15.000 ульев, и это ставит Ливенский уезд в ряд первых по губернии.

Состояние промышленности обрабатывающей можно видеть из нижеследующего. В 1858 году считалось разных заводов в городе 14, на них было мастеров и рабочих 193, выдвигалось произведений на 83.463 р. сер. Кроме того существовали 2 мукомольных крупчатки и 20 крупорушек, действовавших силою животных *. В уезде было 3 фабрики и 8 заводов с 341 мастеров и рабочих; ценность производства всех этих заведений простиралась до 42.420 р. Сверх того в уезде было водяных мельниц крупчаток 21 (на 128 поставов), обыкновенных мельниц для размолы ржи 119 (с 528 поставами), ветряных мукомольных мельниц 45 (с 50 поставами), крупорушек, действовавших силою животных, 120 и маслобоен ручных и действующих силою животных 90.

Упомянутые заводы и фабрики были следующие:

	число	число	на какую сумму
		рабочих	выработано руб.
<i>А. в городе</i>			
салотопенные	1	65	30000
мыловаренные	2	7	7800
свечносальные	2	4	6080
маслобойные	2	11	2800
пиво и			
медоварные	1	9	3013
пенькотрепальные	3	40	28000
кирпичные	4	40	3900
экипажные	1	17	1870

*Первый завод в Ливнах был кирпичный, устроенный Поручиком Евреиновым в 1785 году; он же в 1800 году на устье Ливенки устроил лесопильню, существующую и доселе.

Б. в уезде:

бумажные	3*	238	23500
винокуренные	2**	32	12120
сахарные	1***	46	4800
кирпичные	5	25	2000
итого	25	534	125.883

К сожалению, из этой таблицы не видно, в каком количестве выделяются произведения, а по ценности вырабатываемых произведений или по числу употребляющихся на заводах рабочих невозможно зывести никакого заключения о количестве произведений. Видно только, что самое выгодное производство было на салотопенном заводе. За ним следуют трепальни пеньки, обыкновенно действующие в течение летних месяцев, с мая по сентябрь. Эта промышленность распространена почти во всех городах Орловской губернии; наиболее же отличаются ею города Орел и Карачев. Количество обделываемой пеньки вообще трудно привести в известность; это зависит, с одной стороны, от степени урожая, а с другой, от требования пеньки к портам и в Черниговскую губернию, которая также занимается обделкою этого растения. Самые работы производятся, однако, не местными жителями, а преимущественно калужанами, пользующимися славою опытных трепачей. Замечено, что хороший трепач в продолжение рабочего периода вытреплет пеньки до 200 пудов. Если положить, что на Ливенских трепальнях каждый из 40 рабочих вытрепал только по 175 пудов, то и в таком случае общее количество обделанной пеньки будет простираться до 7.000 пудов. В уезде оказываются самыми замечательными по производству фабрики бумажные.

В рассматриваемых материалах находится следующее исчисление ремесленников в Ливенском уезде:

* В селах: Успенском и Покровском, Оберец тоже и в сельце Малом Кривчике.

** В сельце Татарском-Броде и в деревне Николаевке. Был и еще третий завод, весьма обширный и существовавший с давнего времени, в деревне Быковой, но он уничтожился в 1850 году.

*** В сельце Холоповке.

в городе

в уезде

	в городе			в уезде		
	мастеров	рабочих	учеников	мастеров	рабочих	учеников
хлебники	4	15	9			
булочники	5	5	15			
кондитеры	2	4	6			
мясники	7	4				
портные	9	17	23	362	-	93
модистки	8	8	11			

в городе

в уезде

	в городе			в уезде		
	мастеров	рабочих	учеников	мастеров	рабочих	учеников
сапожники	24	27	36	70		
башмачники	4	4	2	25		
ткачи				40		
печники	2	4		138		
трубочисты	4					
плотники	3	16		387		
маляры и штукатуры	5			21	6	
каменщики	4	49		273	20	
кровельщики	2	3				
овчинники и скорняки	2	4		100		
шорники	2	4	1	39		
шерстобиты				213		
столяры и стекольщики	21	11	14	127	6	7
резчики и золотильщики	4	17	3			
бондари	5	8	4			
фортепьянщики I						
колесники	3	5	2	17	8	
каретники	1	10	7			
кузнецы	47	88	32	171		
слесари	3	2				
медники	4	2	3	22		
лудильщики	2	1	3			

серебрянники	4	1		2	
часовщики	4	1	1		
иконописцы	2				
переплетчики	3				
цирюльники	2				
коновалы	2			41	
извозчики					
биржевые	6	29	3		
<i>итого</i>	200	341	175	2.048	40. 100

Отсюда видно, что ремесленность в Ливенском уезде существует только для удовлетворения местных потребностей в хозяйственности и быте и не имеет таких размеров, при которых произведения ремесленников делались бы предметами особенной обширной торговли или самые роды ремесел служили поводом к образованию особых рабочих артелей, отходящих для работ в другие губернии.* Вообще занятия жителей Ливенского уезда преимущественно относятся к земледелию, которое одно и доставляет все средства к довольству и даже благосостоянию. Это слабое развитие ремесленности лучше всего доказывает, что уезд Ливенский богат естественными произведениями, что еще много пройдет времени, когда усиливающееся население уменьшит пропорцию отношения его к земле и невольно устремит деятельность народа на изыскание других источников существования. В настоящую пору крестьяне Ливенского уезда, особенно помещичьи, только один промысел знают — извоз или нанимаются на зимние месяцы в рабочие на крупчатках.

Обращаясь к обозрению торговли в Ливенском уезде, должно прежде всего заметить, что местоположение Ливен весьма благоприятствует торговой деятельности. Елец, издавна завладевши хлебною торговлею и привлекающий к себе огромные транспорты пшеницы из соседних юго-восточных губерний, отстоит от Ливен в 63 верстах по почтовому тракту. С другой же стороны, Ливны соединяются с западною частью губернии, отличающеюся меньшим развитием тор-

*Плакатных паспортов по Ливенскому уезду выдается ежегодно средним числом до 240.

говли, и прикасаются к хлебородным уездам Курской губернии. Таким образом, город этот, естественно, сделался соединительным звеном, важнейшею станциею на торговом пути к Ельцу. Значительная часть хлеба, назначаемая собственно в Елец, остается в Ливнах и уже отсюда здешними торговцами препровождается далее. Но еще более хлебного товара отправляется в Орел и Мценск, в Москву, Калужскую, Смоленскую губернии. Все это послужило и развитию торговой деятельности, на счет фабричного и ремесленного дела, образовало капиталы и кредит в Ливнах и поставило этот город в короткое время важнейшим соперником Ельца. Торговое значение Ливен, без сомнения, возвысилось бы еще более, если бы могла здесь образоваться пристань. Река Сосна, как замечают, по своему обилию воды, могла бы быть судоходною от самых Ливен, если бы только не препятствовал судоходству недостаток леса, годного для постройки барок. Теперь же воды этой реки обращены в движущую силу многочисленных крупчаток, мука с которых пользуется заслуженною известностью во многих местах России.

Рассказывая историю учреждения Ливенского уезда, мы упомянули, что вскоре после возведения Ливен в ранг уездного города некоторые из жителей, по указу Орловского Губернского Магистрата, переименованы были в купцов, но что это несколько не изменило существовавшего дотоле положения дел. Торговля по-прежнему оставалась всецело в руках однодворцев и купцы ничем особенным не ознаменовывали своей коммерческой деятельности. В таком положении находилось ливенское купечество до 1820 годов: город ничем не выходил из разряда обыкновенных уездных городов, тихих, не деятельных, сонных. В 1820 годах несколько удачно предпринятых и успешно выполненных торговых операций вдруг пробудили деятельность купечества, развили соревнование, дух предприимчивости, и, можно сказать, обратили всех обывателей на коммерческую дорогу.

Вот в какой прогрессии возрастало число капиталов в Ливнах:

	1 гильд.	2 гильд.	3 гильд.	всего	на сумму, руб.
в 1820 году			46	46	
в 1830-м			84	84	
в 1840-м			153 *		
в 1850-м	5	7	151	163	

в 1854-м	10	4	179	193	653.600
в 1857-м	7	7	212	226	655.800
в 1858-м	6	7	244	257	717.600

Таким образом, с 1820 года и по настоящее время, т. е. в течение 37 лет, число купеческих капиталов в Ливнах почти ушестерилось. Самое большее увеличение происходило в первые двадцать лет, между 1820 и 1840 годами, когда число капиталов из 46 возросло до 153, то есть увеличилось в три раза с четвертью; средним же числом возрастало ежегодно по 5%. С 1840 года и по настоящее время увеличение числа капиталов хотя, по-видимому, происходило не с такою быстротою, тем не менее средняя ежегодная прибыль оказывается выше прибыли первой половины рассматриваемого периода, а именно по 5 в год. Этот вывод лучше всего доказывает, что развитие капиталов в Ливнах еще продолжается.

Главный предмет ливенской торговли есть зерновой хлеб всякого рода, преимущественно же пшеницы, и мука, Ливны, по справедливости, могут назваться хлебным базаром не только своего уезда и смежных с ним, но и отдаленных уездов Курской, Воронежской и даже Харьковской губерний. Вследствие такой обширной торговой деятельности Ливен, зимою, лишь наступит санный путь, лучшее время для перевозки произведений сельского хозяйства, к городу и из города, в продолжение всей зимы, ежедневно во все стороны, по большим и проселочным дорогам, по всем тем шляхам, по которым некогда рыскали грабители-ордынцы, вереницами тянутся мирные обозы: в Ливны — помещичьи и крестьянские, из Ливен купеческие. В иные годы, когда особенно увеличивается требование хлеба в западные губернии или к Балтийским портам, — эти обозы принимают такие огромные размеры, что с декабря-месяца по февраль ежедневно отправляется из города от 1000 до 1500 подвод и в то же время на всех идущих к Ливнам дорогах встречаются порожние подводы, на которых хозяева едут в город, чтобы наниматься в извоз.

* В сведениях за 1840 год не показано, сколько капиталов было по каждой гильдии, однако замечено, что капиталы уже были по всем гильдиям, тогда как в 1820 и 1830 годах объявлены только по одной 3 гильдии.

Количество закупаемого в Ливнах хлеба в точности неизвестно, как и вообще нашей статистике далеко не знакомы обороты внутренней торговли; обыкновенно же в официальных сведениях полагается, что ливенские торговцы средним числом закупают:

ржи и ржаной муки	до 150.000 четв.
пшеницы в зерне	180.000
ячменя	4.000
гречихи	60.000
проса и гороху	10.000
конопляного и льняного семени	до 20.000 четв.
овса.	300.000

Лавок и амбаров, назначаемых для ссыпки хлеба и хранения пеньки, считается в Ливнах 651. Нет никакого сомнения, что эти цифры не точны, по крайней мере, они выражают состояние хлебной торговли в Ливнах и не очень противоречат вышеприведенным показаниям о количестве подвод, выходящих зимою с хлебом. В рассматриваемых нами материалах есть и еще другое показание, а именно: в 1857 году на 23 крупчатках, находящихся в Ливенском уезде, работано было разных сортов муки крупчатой и пеклеванной на 2.118.000 р. сер. Из этого количества продано в раздроб в самом городе и в уезде не более 4000 пудов на 5.000 р.; вся же остальная мука отправлена в Москву, Рославль, Жиздру, Калугу, Белев, Новосиль, Орел, Мценск, Малоархангельск, Болхов, Брянск, Карачев. Сверх того, двое ливенских купцов, имеющие в Калуге и Москве постоянные хлебные лавки для розничной продажи, в том же году продали на 1.650.000 р. сер.

Кроме торговли хлебом три торговые дома ведут значительный торг пенькою, сбываемую более в С.-Петербург. Пенька, равно как льняное семя и конопляное, также щетина, воск, скупаются особыми купеческими комиссионерами прямо у крестьян в уезде. Эти же комиссионеры, обыкновенно называемые "гулаками" или "кулаками", служат сводчиками между купцами и крестьянами в хлебной торговле.

Один из купцов торгует рогатым скотом, который закупается в губерниях Харьковской, Полтавской и Екатеринославской и частью прогоняется в Москву; но более бьется в Ливнах на солонину и на

вытопку сала. Для салотопенного завода ежегодно пригоняется в Ливны из Украины от 15 до 20000 овец.

Лучшая пора для всей вообще торговли — зима. В это время базары в Ливнах, бывающие по воскресеньям, средам и пятницам, отличаются чрезвычайным многолюдством и оживленностью. Кроме базаров бывают еще особые торги 5 и 6 декабря, 23 и 24 декабря, 4 и 5 января и четыре дня на всеедной неделе перед масляницею. На этих торгах преимущественно привозятся сельскими жителями свиные туши, поросята, птица, а городские купцы сбывают крестьянам говяжью и баранью солонину и соленую рыбу. О важности привоза сельских произведений можно судить по следующему примеру: в 1855 году скупленная на торгу 5 и 6 декабря Веневскими, Тульскими, Калужскими и Московскими торговцами битая птица была отправлена из Ливен на 400 подвод.

В Ливнах две ярмарки: Десятая, трехдневная, в десятую пятницу по Пасхе, и Ивановская, четырехдневная, с 29 августа. На каждую из них привозится разных товаров на 30-35.000 р. сер., а продается в первую на 15000, а во вторую до 7000 р. Ярмарки эти незамечательны: они удовлетворяют только местным потребностям; впрочем на Ивановскую ярмарку привозится из уездов Жиздринского, Брянского и Орловского довольно строевого, соснового и елового леса, в бревнах, досках, тесе и драни, который часто сбывается и в за Ливенские уезды.

Чтобы окончательно изобразить торговлю Ливен, присовокупим здесь, что в городе считается магазинов 4 и лавок общественных 10, в так называемом городском шатре, казенных и церковных 8, частных в гостином дворе 54 и особо при домах 170; всего же 242. В числе этих лавок заняты красным товаром 10, железным 6, бакалейным и москательным 7, шорным 8, мясным и рыбным 13, свечным и мыльным 3, ренсковых погребов 3, разных питейных заведений откупных 12. К торговым же заведениям должно отнести 5 гостиниц и 14 постоянных дворов.

Торговля в уезде незначительна, да и не может быть значительною, когда город стягивает к себе все произведения из уезда и предлагает поселянам все необходимое для них. Весьма немногие занимаются исключительно торговлею по селениям, продавая покупае-

мые в городе принадлежности сельского быта, а также соль, деготь, лыки, табак, крендели и прочие мелочи. Только один откуп заботливо водворил в уезде свои торговые заведения и имеет 65 кабаков, 2 ведерных лавки и 3 выставки, — итого 70, то есть по 1 заведению на 6 населенных местностей, или на 265 дворов, или на 873 чел. взрослых крестьян, способных пить вино *. В уезде бывают две ярмарки: одна в селе Святицком, двухдневная, с 9 мая, а другая — в селе Покровском Любовша тож, трехдневная, называемая в простонародьи Кирики, потому что начинается в день памяти Святых мучеников Кирика и Улитты, 15 июля **. Последняя ярмарка довольно замечательна: на нее приезжают купцы из Курска, Воронежа, Ельца, Серпухова и Брянска и привозят разных товаров более чем на 60.000 р. сер., а продают от 25 до 30.000 р. Важнейшую статью торгового состава составляют овцы (в 1857 году их было пригнано на 20.000 р., а продано на 8.000 р.); в значительном также количестве продается здесь холст льняной и замашный, употребляемый на шитье мучных кулей. Ярмарка Святицкая принадлежит к числу обыкновенных сельских: ее обороты редко превышают в привозе 5000 р., а в продаже 2000 р.

Говоря о торговле, которая, при отсутствии судоходных и сплавных рек и каналов производится вся сухопутно, нельзя не обратить внимания на состояние путей сообщения, как одно из главнейших условий, споспешествующих торговле. Дороги во всем Ливенском уезде грунтовые; их считается девять: две почтовые — на Елец и на Орел, а остальные торговые или транспортные. От города до границ уезда они идут на таком протяжении: 1) на Орел — почтовая, 25 верст; здесь пролегает и торговая, поворачивающая близ села Демидова, на 21 версте и минующая Малоархангельск, на который пролегает почтовый тракт; 2) на Елец — почтовая, чрез бывший город-

* Об успехах этой торговли мы имеем под руками сведения за 1854 год. Тогда было продано по всему уезду, вместе с городом, 77121,21 ведра на 245445 р. 63 к. сер., т. е. по 3 р. 18 к. ведро. Не позволяем себе делать никаких выводов, считая 1854 год исключительным по военным обстоятельствам: в ту пору питейных считалось 80 в уезде и 24 в городе.

** Оба эти села находятся в 1 стане уезда, т. е. по сю сторону Сосны.

Чернавск, 27 верст; 3) на Елец же, чрез село Кошкино, 25 верст; 4) в Москву, на Новосиль, 37 верст, 5) в Москву же, на Ефремов, 47 верст; 6) в Воронеж, на Землянк, 63 версты; 7) в Курск — 56 верст; 8) в Старый Оскол — 60 верст и 9) в Тим и Белгород, известная под старинным названием “муравки” — 66 верст.

Все эти дороги довольно широки, окопаны рвами и некоторые обсажены ракетами. Такое устройство их началось со времени открытия наместничеств в Орловской губернии, по распоряжению бывшего наместника Князя Прозоровского. С наибольшею тщательностью отделаны были тогда участки дорог Курской и Орловской, так как по ним в 1786 году возвращалась из Крыма императрица Екатерина II. Вторичное радикальное возобновление дорог произведено было в 1826 году и наконец еще раз в 1835 году, когда некоторые дороги были расширены. С тех пор до настоящего времени дороги содержатся и исправляются обыкновенными средствами, под ведением Дорожной Комиссии.

Состояние дорог обыкновенное, как и везде, где находятся только дороги подобного устройства, то есть не шоссированные, и где грунт черноземный, легко поддающийся влиянию сырой погоды. На всем их протяжении официально считается 68 мостов и 4 переправы через речки Кшень, Олым, Тим и Труды. Переправы, впрочем, бывают только весною, когда во время половодья сносятся мосты и после того около мостов образуются топи. В этом отношении не может похвалиться прочностью постройки и мост, соединяющей город с засосенскими слободами, Ламскою и Беломестною, составляющими почти части города. Мост этот, несмотря на укрепление его с обоих берегов каменною гатью, ежегодно сносятся полою водою, и сообщение слобод с городом производится тогда на паромках. Между тем тракт этот один из самых бойких. Зимой, когда происходит самое главное движение, дороги от беспрестанных тяжелых обозов делаются чрезвычайно ухабиаты, потому что снег на них нигде не расчищается.

О проселочных дорогах можно сказать только то, что они, как и везде в России, за весьма немногими исключениями, узки, а мосты на них еще менее прочны и исправны.

Все это доказывает, что в Ливенском уезде пути сообщения не

очень удобны и что столь деятельное движение по ним утвердилось, благодаря только выгодному положению Ливен на тракте к Москве и тому торговому значению, какое усвоил себе этот город. Любопытно при этом случае проследить, какое влияние окажет на Ливны железная Московско-Феодосийская дорога, которая, как видно по карте, изданной Главным Обществом Российских железных дорог, пройдет из Орла прямо на Курск, минуя города Малоархангельск и Фатеж. В настоящую пору первый из этих городов, Малоархангельск, не имеет вовсе никакого торгового значения, несмотря на то, что лежит на пути сообщения значительной части Курской губернии с пристанями Орловскою и Мценскою. Близлежащие к Малоархангельску селения несравненно выше его по торговле.

Весьма вероятно, что с устройством и открытием этой дороги и предполагаемой соединительной ветви к Динабургу от Орла или Курска торговля Ливен должна несколько понизиться и в то же время изменить направление своих транспортов. Можно предполагать, что хлеб, ныне идущий в Ливны из уездов Щигровского, Тимского и Старооскольского, большею частию будет отправляться уже прямо на Курск; точно также а хлеб уезда Малоархангельского скорее будет тнуться прямо к железной дорог нежели к Ливнам. Очень вероятно, что значительная часть транспортов, назначаемых в Москву, уже не будет направляться на Ефремов, а обратится прямо к железной дороге, т. е. чрез Новосиль к Мценску или чрез Малоархангельск к Орлу.

Вместе с этим можно ожидать, что, по той же причине, торговое движение между Ельцом и Ливнами окажется обратное против нынешнего: хлеб пойдет из Ельца чрез Ливны, а не наоборот. Таким образом, с открытием железной дороги уменьшатся подвозы хлеба из Курской губернии; но уже прочно водворившаяся в Ливнах торговля в совокупности с железною дорогою, конечно, усилят земледельческую производительность собственного уезда и вызовут к более широкой и разнообразной деятельности промышленность заводскую. Не забудем также и того, что изменение отношений крепостных крестьян, в свою очередь, необходимо должно отразиться в развитии торговой и промысловой деятельности жителей уезда.

Все это, без сомнения, вознаградит с избытком ущерб, какие

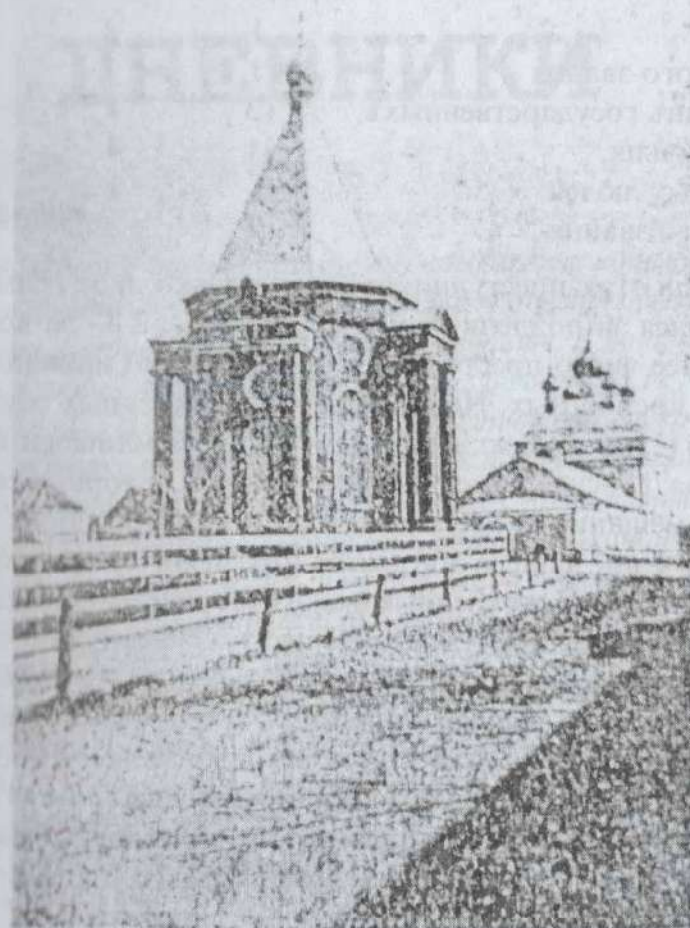
мал., 83 дев. или 1.177 об. пола. Если рассматривать число учащихся в отношении к населению города и уезда, то найдем, что 1 учащийся приходится:

в городе	на 13 муж.	на 87 жен.	на 21 об. п.
в уезде	на 157	на 4.090	на 314
вообще	на 96	на 1.341	на 184

Эти пропорции значительно изменятся, когда выведено будет отношение учащихся только к тем сословиям, к которым они принадлежать по происхождению. Так в 11 сельских училищах обучаются только дети государственных крестьян и число их к общему числу этого сословия в Ливенском уезде относится в мужеском поле как 1 к 94; а в женском 1 к 13.019. Вообще же 1 : 195. В светских городских училищах обучаются дети купцов, мещан и отчасти чиновников: к общему итогу этих сословий учащиеся относятся в мужеском поле 1:31, в женском 1:79, вообще 1:45. Если допустить, что в частном пансионе благородных девиц обучаются только дочери потомственных дворян, в таком случае число их относится к общему итогу потомственных дворянок как 1:23. Вывести подобное отношение учеников духовных училищ к числу лиц духовного звания нельзя, потому что в этих училищах, как сказано, обучаются дети священно-церковнослужителей не одного Ливенского уезда, но и других.

При уездных училищах, светском и духовном, существуют небольшие библиотеки (в первом 438 названий, во втором 70 названий), которыми пользуются только учителя. К сожалению, в наших материалах нет сведений о количестве выписываемых в городе и уезде периодических изданий; а между тем такие данные города выразительнее определяют умственное развитие жителей, степень склонности их к чтению и даже самый выбор читаемых сочинений. Точно также нет сведений, хотя приблизительных, о числе грамотных.

Нравственно-религиозное состояние жителей усматривается из того, что в уезде считается раскольников 87 муж. и 94 жен., что, в отношении к православным, составит пропорцию в мужеском поле 1 : 1201, в женском 1:1183, а вообще 1 : 1192. Церквей в городе 7 каменных, а в уезде 80 (из них 6 деревянных). Средним числом на каждую церковь приходится в городе по 1.538 прихожан, а в уезде по

Троице-Александровская часовня, возведенная в Ливнях, в память Александра II.

2.562.

В статье о движении народонаселения было показано число незаконнорожденных и отношение их к общему числу рождающихся. Здесь присовокупим еще сведения о числе осужденных преступников по Ливенскому уезду, вообще с городским. Хотя эти данные относятся к одному только 1854 году и, следовательно, по ним нельзя делать каких-нибудь особенных заключений о нравственности, тем не менее они наводят на некоторые любопытные соображения. Осуж-

дено было всего 40 муж. и 9 жен. — 49 человек, в том числе:

	муж.	жен.	всего
дворян	1	4	5
духовного звания	1		1
крестьянъ государственныхъ	12		12
помещичьих.	11	4	15
дворовых людей	3	1	4
военного звания	2	1	3

Из числа этих преступников были только двое грамотных и один судился за подделку документов, другой — за воровство. Наибольшее число преступников и преступниц принадлежали к сословию крепостных. Наибольшее число виновных осуждено за воровство (15 муж., 8 ж.; из них 8 м. 4 ж. крепостные) и за грабеж 41. Убийцы: 1 государственный крестьянин и 1 дворовая женщина. Бродяг: 1 мещанин, 3 крепостных и 1 военного звания.

В заключение нашего обозрения Ливенского уезда упомянем о числе и состоянии богоугодных и благотворительных заведений. В городе, кроме подведомственной Приказу Общественного Призрения больницы на 10 кроватей, есть еще богадельня, основанная в 1785 году бывшим протоиереем Андреевым: в ней содержится обыкновенно от 20 до 25 бедных и убогих разного звания людей обоого пола. Содержатся эта богадельня на проценты с капитала в 1475 р. сер., пожертвованного сказанным протоиереем, а также на подавания деньгами и припасами от купцов. Помещается она в собственном каменном доме при Скорбященской приходской церкви.

В уезде также есть неподведомственная Приказу богадельня, существующая с 1816 года. Она находится при церкви государственного села Троицкого, Бородинка тож, в 6 верстах от города. В ней призревается постоянно до 15 человек об. пола из обывателей села; содержится она подаваниями прихожан.

Клавдия Дорофеева

ДНЕВНИКИ

От редакции

Важное место в работе краеведческого музея занимает сбор, хранение и изучение личных архивов ливенцев: дневниковых записей, воспоминаний, фотографий и других документов. В запасниках музея хранятся личные архивы Баженова П. С., Беляева Ю. Н., Булгакова С. И., Волкова С. П., Суиндукова М. П., Мартинсона А. Г. и др. Многие из них уже опубликованы на страницах нашего альманаха. По-видимому, что все эти документы носят сугубо субъективный характер, но они способствуют созданию объективной картины нашего исторического прошлого, более приближенной к реальной.

С этого номера мы начинаем публикацию дневниковых записей и воспоминаний Клавдии Дорофеевой. Они охватывают огромный отрезок времени, в несколько десятков лет. Ведение дневников требует от человека большого терпения, наблюдательности, самодисциплины, умения честно посмотреть на себя со стороны. При написании дневников нет мелочей. Все события, кажущиеся на первый взгляд незначительными — погода, одежда, цены, работа, оных и еще многое другое, — все это по прошествии времени обретает огромную ценность для будущих исследователей. Именно поэтому работу К. Дорофеевой трудно переоценить. К великому сожалению, возможности альманаха ограничены, а издать дневники отдельной книгой не позволяют наши финансовые возможности. Все это вынуждает редакцию напечатать в нескольких номерах только часть рукописи. Оригинал рукописи находится в нашем музее, поэтому сохраняется возможность опубликовать продолжение или издать позднее целиком.

Часть I. Детство

Предисловие

Мне не пришлось дышать одним воздухом с В.И. Лениным. Магушка разрешилась мною от бремени спустя два месяца после кончины Ильича. М. Горький писал, что Ленин, лаская однажды детей, сказал: "... вот эти будут жить лучше нас... Их жизнь будет менее жестокой". На примере своей жизни мне хочется показать, сколько перепало такого "лучше", какое пророчил нам вождь.

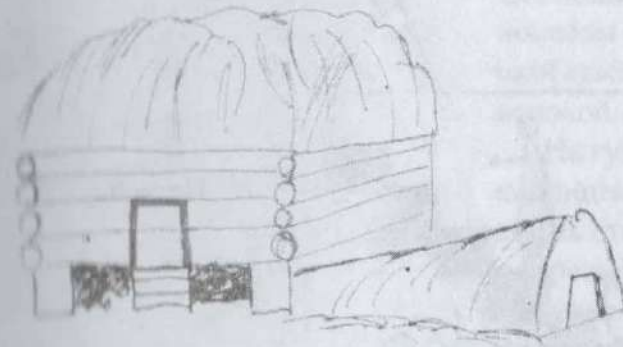
Моя родина

Селу, где я родилась, всемирная слава пока не светит, хотя знаменитых имен, родившихся в наших краях, предостаточно. Выкорчевали меня оттуда в нежном возрасте, когда весь мир вмещался в одной крестьянской усадьбе. Проулок наш назывался красным. В одну сторону от нашего дома дорога вела к мосту через ручей с прозрачной и тихой водой, берегами, заросшими кустарником и травой, резавшей наши детские руки до крови. Речушка называлась Ольшанка. А уж от реки, как повелось на Руси, название сел: Вышне-Ольшаное (моя родина) и Нижне-Ольшаное, где я никогда не была.

В другую сторону от нашего дома дорога упиралась в выгон, где сияла своими золотыми крестами белокаменная церковь с яркими цветными стеклами в высоких окнах. До сих пор закрою глаза и слышу, как звонили ее колокола. Дальше церкви мне бывать не приходилось, а через мост ходить не было надобности. По-уличному нас называли Астаховы. Рядом с нами – соседи Лобановы, Лукьяновы. Напротив нас жили Студенниковы и Богрянцевы. За Студенниковыми была усадьба Трусовых, с которыми мы дружили больше всего.

Наша усадьба

Никакого общего ограждения наша усадьба от соседей и от дороги не имела. Границы, указанные мною на схеме, чисто условные. Дом наш назывался "связь". В нем было два помещения: изба и гор-

Амбар

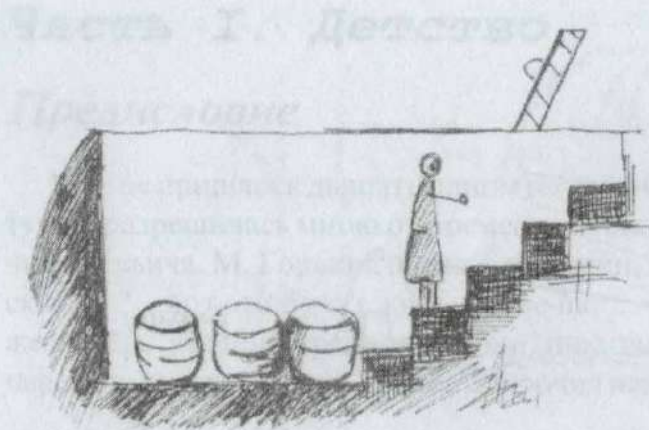
ница, а между ними — сенцы. Перед входом в дом имелось крылечко, зараставшее в летние дни вьющимся по перелочкам хмелем. Перед окнами был палисадник, огороженный частоколом. В палисаднике росли кустик крыжовника и пара молодых вишен. Весной, когда таял снег, из земли уже пробивались розоватые острия ростков хмеля, упруго выпирая из-под прошлогодних почерневших листьев и травы.

Пунька

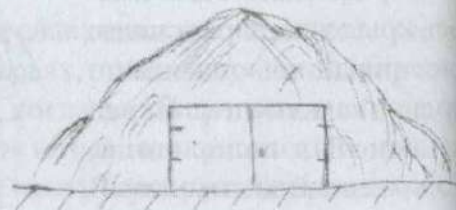
Стены дома были бревенчатые, снаружи не оштукатуренные. Запунька на зиму утеплялась навозом. Возле дома имелся двор с пристройками для лошади, коровы, поросенка, овец, кур, крытые соломой. Ворота со двора выходили на гумно. Калитка со двора вела к риге. На гумне, у дороги, на крупных камнях стоял бревенчатый амбар с соломенной кровлей. Летом над амбаром в сухой пыли купались куры, прячась от жары. К амбару примыкал погреб с земляными ступеньками. Над входом в погреб имелся соломенный шалаш с каркасом из деревянных жердей.

Внутренняя часть погреба располагалась под амбаром. Рядом с погребом стояла пунька с соломенной крышей. Стены ее были сложены из плиточного камня-известняка на глиняном растворе. Лаз на

Погреб

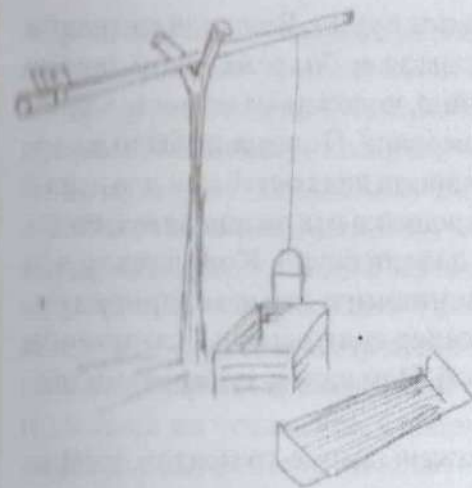
чердак пуньки был закрыт длинной, грубой домотканой попоной. Нижний конец ее свисал так низко, что даже я доставала ее рукой. В пуньке было два изолированных друг от друга помещения. Левое — для нашей семьи, правое — для семьи деда.

Рига

В пуньке стояла широченная деревянная кровать, мамин сундук. На внутренней стороне его крышки были наклеены цветные картинки из “Жития святых”. Вдоль стен пуньки лежали деревянные части громоздкого разобранного ткацкого стана. Стояла мамина пряжа (у бабушки была своя). На стенах висели кудели пеньки, льна, замашек. Что находилось в отделении деда, я не знаю. Не помню, чтобы мне приходилось там быть.

Соломенная рига имела форму просторного шатра с деревянным каркасом внутри. В ней хранились сено, мякина, солома; зимой — телега, плуг, соха, грабли, косы, цепи; летом туда убирали сани. В самом верху, в застрехах, жили ласточки. В некоторых осевших местах накопилось много пыли, и соломенная кровля риги поросла мхом травой. В соломенных пеленах крыши гнездились вездесущие воробьи. Одно их гнездо было даже в деревянном срубе колодца. Колодец наш был с “журавлем” (у нас говорили с “цибором”). Возле колодца стояло деревянное корыто, выдолбленное из цельного ствола

Колодец

линей земля возвышалась, на этом клоне рос клевер. На красных шариках соцветия ползали золотистые пчелы и темные шмели. Мы с Володей любили высасывать медовый сок из белых трубочек отдельных душистых цветков, выдернутых из шарообразных арничных соцветий. Чуть дальше, за деревом, находилась Аленкина круча — место наших детских игр. Взрослые мамы на этой круче брали глину для хозяйственных нужд.

Аленкина круча

Кое о чем попутно

Мама запрещала нам играть возле колодца. Но мы все равно подлезли к нему и подолгу смотрели на свои крошечные отражения. Ноги веревка обрывалась, и ведро с грохотом падало вниз. Достали ведро специальной железной “кошкой”, откованной в кузне.

На праздники ставили самовар, раздувая его сапогом, из которого

В корыте всегда была вода для наших животных. Противовесом на циборе был большой камень, привязанный проволокой.

На гумне, между пунькой и колодцем, росло несколько высоких старых раки с грубой потрескавшейся серой корой. Деревья величаво и тревожно шумели в непогоду. На гумне росли зеленым густым ковром спорыш, или “подкопеечник”, лепешечки которого мы с удовольствием ели. Огород имел наклон к ручью. Слева от тро-

потом долго выходил пар, словно сапог курил. Воду для самовара приносили из Кирюхина колодца, считая ее более вкусной, чем из нашего колодца. В самоваре варили яйца, положив их на чистое льняное полотенце, прижатое крышкой самовара. Полотенце было домо-тканое и называлось утиркой. Яйца варили для гостей или для деда с бабкой. Чай пили вприкуску, дуя на блюдечко и позванивая кусочком сахара о край блюдечка. Сахар нам давали скупно. Колот сахар дед Максим Иванович специальными щипцами и сам же одаривал челядь мелкими кусочками. Колотый сахар складывали в сахарницу, откуда брать могли только дед с бабкой. Нам лазить туда руками запрещалось.

На стенках самовара были изображены какие-то медали, выгравированы какие-то слова, даты. Радио, кино, телевидения тогда не было. Да мы и не нуждались в них, потому что чего не знаешь, в том не нуждаешься.

Наше движимое имущество

Одно время на нашем гумне стояла железная красная косилка с четырьмя деревянными крыльями, дырчатым железным сидением и непонятным для нас словом “Херсон”, отлитым на станине. Мы с Володей по очереди садились в нагретое солнцем сидение и воображали, что погоняем лошадей и косим целый день. Косилка была куплена в складчину на несколько дворов. На тех же условиях была приобретена и веялка. Она то появлялась, то ее куда-то отвозили, погружая всем миром на телегу.

Лошадь наша была пегой масти: на темно-красном фоне крупные белые пятна. И таких же приносила пегих жеребят. Корова в 1928 году отчего-то пала. Помню, как лежала она на гумне, приковывая мое внимание своим незакрытым глазом, как бы укоряя людей, копошившихся возле нее. Старший брат писал мне об этом по моей просьбе: “Мы с дедушкой потом ездили в Долгое на базар, там продали стригуна за 85 р., а молодую красную корову купили за 110 р. Через два года, в 1930-м, ее у нас отобрали в Совет. Хорошо помню телочку от нее. Мама назвала ее Зорькой. Однажды я пасла ее возле ручья, и она, как человек, испугалась, вздрогнув, когда неожиданно зашумели от набежавшего ветра высокие деревья, росшие длинной

шеренгой возле усадьбы Лукьяновых. Телочку тоже забрала советская власть, о чем долго и с болью вспоминала мама.

Были у нас и овцы. Мы с Володей ходили их встречать в Кирюхин проулок. Мне теперь кажется, что не мы их узнавали, а они нас, подбегая из отары небольшой кучкой и дружно тыкая своими влажными носами в наши ладошки. Мне всегда было жалко смотреть на овец, когда их перед стрижкой загоняли в воду и купали. Они испуганно шарахались, жалобно блея. Такой же у них был испуг, когда их укладывали на скамейку и стригли огромными широкими ножницами. А какими тощими и смешными становились овцы после стрижки с полосами на боках, как у зебры! Овец у нас тоже отобрали. В год отъезда у нас не было ничего.

Наше жилище

Вся наша жизнь, особенно в зимнее время, протекала в хате. В горницу нас, детей, не пускали, поэтому я не помню, что там было. Запомнилась только печь, называемая лежанкой. Зато хату помню с мельчайшими подробностями. Стены в ней как снаружи, так и внутри не были оштукатурены. От времени и копоти они почернели, потрескались. Между бревнами видны тугие валики пакли, утеплявшие стены. Главное место в хате занимала огромная русская печь, покрытая копотью и обвешенная тряпьем. Под печью хранилась крестьянская утварь: помело, кочерга, рогачи, чап-

ля и пр. На печи хранились и сушились чуни, валенки. Возле печи отгорожен был дощатый чулан, где находились нары (хоры). На нарах спали, а под нарами в холодное время ютились новорожденные ягнята, теленок, жеребенок. Их, подросших и окрепших в тепле, потом возвращали в хлев. Заползали мы на печь из чулана, опираясь на лавку и печурки, предусмотренные в кладке печи. В печурках обычно сушили варежки, рукавицы, портянки, чуни, онучи. На печи в щелях сидели “пруссаки” – рыжие тараканы. Они зловеще пучили глаза и шевелили усами. Одно время Володя тайком отковыривал пальчиком кусочки побелки с штукатуркой и с отменным аппетитом уплетал.

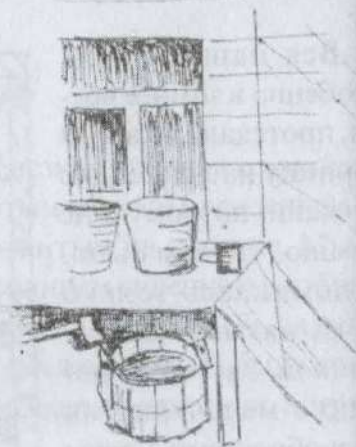
– Смотри, не съешь печь! – смеялся дед, заметив на его губах следы тайного лакомства. Володя смущался, слушая шутку деда.

По вечерам, особенно зимой, когда еще не зажигали свет в керосиновой лампе и взрослые заняты еще делами во дворе, в хате стоит тишина. Эту тишину нарушал сверчок, сначала робко, умолкая, потом смелее, громче, не прерываясь и создавая мирный уют в хате.

...И удобства в нем

Для умывания в углу хаты, напротив печи, всегда стояла большая деревянная лохань, а над нею, на лавке, стояли ведра, кружки. Для купания воду грели в чугунах или самоваре. Купались над железным корытом зимой по очереди в чулане, летом — в пуньке или риге. Нас, детей, мама купала в чулане и после сажала на теплую печь.

Окна в доме были без форточек. Проветривалось помещение только через входную дверь да русскую печь во время топки. Разумеется, дверь для вентиляции воздуха специально не открывалась. Под окнами вдоль стен стояли длинные широкие лавки, на которых не только сидели днем, но и спали ночью. А под лавкой всегда хранился топор.

– Нашел под лавкой топор! – любил повторять дед, когда говорилось о каком-нибудь всем известном пустяке.

Кстати, о топоре: если он долго был на морозе, то, внесенный в теплую хату, мгновенно покрывался инеем.

– Володь, видишь на топоре сахар? – говорит дядя Селифон, ехидно улыбаясь.

– Вижу, – доверчиво отвечает брат, не подозревая коварства взрослого шутника

– На, оближи сахар, – предлагает дядя.

Володя послушно наклоняется, и его язык крепко прихватывается к ледяному топору. Отрывает брат язык от топора с кровью. А дядя самодовольно хохочет.

У входа в избу был красный угол: здесь стоял стол, над ним висели иконы, лампадка. Возле стола под иконами находился коник-ящик с крышкой, в котором хранились печеный хлеб, соль, крупа, сито, решето и пр. На конике, как на троне, во время трапезы восседал дедушка. Хата с горницей разделялись сенцами. Пол в сенцах был земляной, в хате и горнице — деревянный. По праздникам пол в хате застилался ржаной соломой. Изба становилась светлей, нарядней. А внесенная с мороза солома приятно пахла свежестью. На соломе нам разрешалось валяться, кувыркаться, а ночью спать на ней. Утром ее сжигали в печи, готовя еду. Запомнилось мне одно такое утро. Я проснулась от холода, потому что уже лежала на голом полу. И все, кто с вечера ложился рядом спать, давно встали. Ежась от холода, я полезла греться на теплую печь.

Крестьянская утварь

Современные молодые люди, особенно городские, вряд ли все знают о принадлежности тогдашнего крестьянского быта. Например, что такое помело? В русских сказках баба Яга ездит в ступе, а помелом погоняет. А иногда говорят, что баба Яга едет верхом на помеле. Помело — длинная палка, на конце которой привязана тряпка. Крестьянки этим сказочным орудием подметают под в раскаленной печи перед тем, как высадить на него тесто для выпечки хлеба. Перед употреблением помело смачивают в лохани с водой. Сажают тесто в печь

деревянной лопатой, изготовленной из цельной широкой доски. Во время молотьбы этой же лопатой стребают зерно на току. Хранилась такая лопата в амбаре лежа поверх зерна.

Рогачами ставили в печь чугуны, горшки, в которых готовили пиццу. Обычно в хозяйстве было несколько рогачей: для больших, средних и малых чугунов. Когда чугун огромный, тяжелый, то поставить его в печь можно только с помощью катка, подложенного под ручку рогача.

Кочергой орудуют в печи во время топки, разгребая топливо (навоз, солому, дрова) для лучшего сгорания. Ею же распределяют топливо для равномерного прогрева всего пода, что особенно важно при выпечке хлеба на поду.

Чапля нужна для тех случаев, когда пища готовится на сковороде (блины, яичница, жареная картошка). С ее помощью сковороду сажают в печь и вытаскивается оттуда.

Таган — железная подставка для чугунов, горшков, сковороды, посаженных в печь. Таганы имеют три ножки и бывают для разного размера чугунов. Рогачи, кочерга, чапля, таганы — изделия местных кузнецов. Рогачи, кочерга, чапля насаживаются на длинные деревянные ручки.

Грубое домотканое белье после стирки и сушки раскатывалось на каталке рубелем (у кого не было утюга). Чтобы рубель лучше захватывал каталку с намотанным на ней бельем, одна сторона его делается ребристой. Эту же каталку (скалку) используют для раскатывания теста, когда готовится домашняя лапша.

Деревянной веселкой перемешивали тесто в кадке, сбивали масло в горшке. В деревянной ступе толкачом превращали пшено в муку, из которой по праздникам пекли блинчики. Толкушкой мяли картошку в чугуне (крупной — для свиней, малой — для людей). Безменом взвешивали хлеб, муку, крупу и пр. Для подсчета веса на железном стержне у него были нанесены точки, показывающее количество фунтов.

Для современного горожанина все это уже — допотопный хлам. А для тех, кто всем этим пользовался — сокровище, как топор для дровосека.

Наша семья

Я была пятым и последним ребенком в нашей семье. А прежде мама родила четырех сыновей: Ивана в 1914г., Николая в 1918г., Афанасия в 1920г., Владимира в 1922г. Мама говорила, что рождение внуков дед радостно приветствовал одними и теми же словами: "Еще один осминничек прирежут!"

— Значит, когда я родилась, дедушка не радовался? — огорчилась я.

— К тому времени, как тебе родиться, и на девочек стали нарезать землю, — утешает меня мама. Она вяжет варежки, а я прошу:

— Расскажи еще что-нибудь о нас. Какие мы были?

Мама не сразу отзывается на мою просьбу, как бы собираясь с мыслями. А потом не спеша, все внимание уделяя вязанию, как бы между делом продолжала:

— Старшие мои жили недружно. "Не ходи за мной! Что ты гоняешься", — злился Ваня. "Мам, он опять меня не берет с собой!" — плакал Коленька. Я бывало говорю старшему: "Что тебе, нести что ли его? Почему ты не хочешь взять его с собой?" А у меня дел по дому пропасть, приглядеть за младшим некогда. И прямо беда была. А Ваня все равно убежал к друзьям один.

Мама умолкает, заново переживая рассказанное. Я терпеливо жду, прислушиваясь, как тихо в ее руках позвякивают спицы.

– Афоня умер младенцем, – вздохнув, продолжает она, – царствие небесное ему! – При этих словах она крестится. – Невинная, чистая душа его теперь обитает в раю. – Мама была религиозна и не раз говорила, что девушкой собиралась в монастырь.

– А на кого был похож Афоня, – спросила я?

– Трудно сказать, мал ишшо был.

– Мам, а что такое душа?

– Душа – это дух святой. От Бога она дается всему живому. В писании сказано, что плоть умирает, а душа бессмертна. У невинных она возносится в рай, а души грешных низвергаются в ад, в Тартарары.

Слушая маму, я пыталась представить душу. На сильном морозе, говорят, “дух виден”, когда дышит человек.

– Мам, а что такое рай? – продолжаю я допытываться.

– А Бог его знает. В Писании сказано, что там, на небе, вечно живут безгрешные души, вкушая райские яблоки и слушая пение ангелов.

В моем представлении рай предстает в виде бездонного голубого неба с ярким солнцем и неустанным пением жаворонков.

– А ангелы, это кто?

– Ангелы есть слуги Господни. Они похожи на людей, только с крыльями. Я тебе показывала их в храме.

Религиозное воспитание

– А кто такой Бог? – спрашиваю я маму после длительного раздумья.

– Бог – это дух святой. Нам, грешным, не дано видеть его. А он нас всех видит, слышит и все знает о нас.

– А на кого он похож?

– В Писании сказано, что Бог сотворил человека по образу и подобию своему. Он вездесущий.

– А что такое грех?

– Обманывать грех, не почитать старших, особенно отца и мать.

В Писании сказано: “Не убий, не укради, не осуди, да не осужден будешь. Возлюби ближнего своего, как самого себя. За грехи Бог накажет — ухо отрежет.

Услышав последние слова, я забеспокоилась и невольно беру рукой за одно, потом за другое ухо.

– А что такое Тартарары?

– Не приведи Господи попасть туда! – мама с испугом крестится.

– Почему?

– Там, глубоко под землей, в вечном огне и кипящей смоле души грешных обречены на вечные муки, страшные страдания и скрежет зубный.

Мое воображение рисует ад: раз глубоко под землей, то там темно, как в погребе, даже темнее; сыро, как в колодце. Кипящая смола и вечный огонь — это похоже на закопченную и вонючую кузню с ее огненным и дымящим горном. Ад, Тартарары – это все вместе: погреб, колодец и кузня, а потому попасть туда очень страшно, мысленно решаю я.

– Мам, а если человек не знает, согрешил он или нет, как ему быть?

– Надо молиться. Бог милостив. Покайся, скажи: “Господи, прости меня грешную!” И если молитва твоя искренняя, ото всего сердца, может, Бог и услышит молитву твою.

Володя в рассказе мамы

“Когда он был еще грудным, мне пришлось взять его с собой в поле. Устроила я его в люльку в холодочке, в копне, а сама ушла вязать рожь. Неожиданно откуда-то налетел шквал, перевернул копну и покатил по полю снопы, а с ними и люльку с Володей. Я едва догнала его. Боялась, что стерня выколет ему глаза. Но Бог милостив, все обошлось. Только испугался он, долго плакал, может, ушибся, упав на землю. Когда он впервые увидел тебя, я ему сказала: “Это Клава, девочка, сестренка твоя”. Потом, всякий раз подходя к тебе, он радостно говорил: “Кава, дева!” и хлопал в ладошки. Если кто давал ему гостинец, он непременно просил: “А Каве?” “Ишь какой заботливый” – изумлялись дарители”.

И правда, такая коротенькая, с детской картавинкой фраза, а сколь-

ко в ней содержится тепла, братской любви. И ныне это искреннее чистое тепло согревает мне душу. Володи давно нет в живых, а для меня он жив.

Володя, как старший и более сильный, был предводителем во всех наших играх. Он был другом и защитником во все мои детские годы.

“Я боялась, что вы будете, как старшие, не ладить между собой. Но, к моему удивлению и радости, вы были очень дружны и всегда неразлучны. Я была спокойна за вас”, – закончила рассказ мама.

Иван Васильевич

Об Иване Васильевиче, моем прадеде по отцу, я кое-что слышала. “Он любил меня, – не раз с гордостью вспоминал отец, – он был умный, грамотный. Выписывал какую-то газету, помогавшую ему вести хозяйство. Жил богато, одних лошадей имел более 25 штук. В селе его почитали и с его мнением считались. Жил он со своей женой в отдельной горенке, а вся огромная семья — в общей избе”.

Мама говорила, что когда, её привели, в доме было 25 душ. Обслуживали их невестки по очереди: мыли полы, топили печи, готовили отдельную пищу, ставили самовар обстирывали. Жена его умерла в 1913г. У неё почернела нога. “Антонов огонь” называли тогда эту болезнь. Иван Васильевич умер в 1926 году. Любимым воспоминанием мамы было, как Иван Васильевич лупил своих сыновей палкой по спинам за то, что застал их за весьма умеренной выпивкой по случаю какого-то праздника, приговаривая при этом с гневом: “Ишь, собрались старички. Не стыдно пьянствовать?” И ни один из побитых не роптал, не смел слова молвить поперёк, хотя действительно у всех были уже внуки..

Весной, как только кончался сев, Иван Васильевич посылал своего сына Максима с деньгами по сёлам давать аванс крестьянам, у которых осенью намеревался закупить урожай проса. Просо на своей рушке превращал в пшено и продавал его своим постоянным клиентам. Мама говорила, что от «глаза» Ивана Васильевича прятали молодняк (телят, жеребят, ягнят). Стоило ему порадоваться на них, как они дохли. Брат Иван вспоминал: “Прибежали со старого двора

и сказали Максиму Ивановичу: Дедушка умирает”. Мы пришли. Пока он что-то говорил отцу, Иван Васильевич пытался поймать руками полотенце, висевшее над кроватью. С его помощью он вставал во время болезни. Ловил, ловил и не поймал”.

Максим Иванович

Максим Иванович – отец моего отца – был среднего роста, полноват, но не грузный, с небольшой крестьянской бородкой и усами, с домашней стрижкой “под скобочку”, как он сам говорил, курил он “козью ножку”, начиненную крепчайшим табаком самосадам. От табачного дыма у дедушки пожелтели пальцы, кончики усов и борода. У некурящих от этого дыма першило в горле и слезились глаза. Ярче всего запомнился мне дедушка во время трапезы. Прежде чем сесть за стол, молились, глядя на образа, просили благословения у Бога. Затем дедушка резал хлеб, прижав к груди огромный каравай. Пищу ели деревянными ложками, все из одной миски, называемой “блюдо”. Однажды Володя, будучи уже сам отцом семейства, пошутил: “Обед нынче у нас из 3-х блюд”. Мама трижды подливала в общую миску квас.

– С Богом! – объявлял дедушка и первый начинал есть. И только после этого можно черпать из блюда всем остальным. Если по неопытности или рассеянности кто-нибудь нарушал это правило, то мгновенно получал от деда удар ложкой по лбу. Детей били по лбу и тогда, когда впервые ели молодые огурцы в квасе или молодую картошку в похлёбке. При этом приговаривали весело: “Будь сыт крупкой!” Это означало, чтобы человек не был обжорой, а был сыт и небольшой дозой, крупинкой в просторечии. Считалось, если первая новинку съест девочка, то в хозяйстве будут водиться телочки, а не бычки, ярочки, а не барашки.

Если квас был с мясом, то сначала хлебали один квас. Есть надо было не спеша, аккуратно, чтобы с ложки не капало на стол. Для этого надо было левой рукой подставлять под ложку домоть хлеба. Нужно было следить, чтобы в ложку до срока не попало мясо. На это будет особая команда деда: “Бери!” Но и тут не спешите лезть с ложкой опроретью, а в очередь, после старших. И не хватай два куса, за это

получишь ложкой по лбу. Это будет сделано молча, без предупреждения.

Когда отобрали корову и в доме не стало молока, сметаны, дедушка ел блины с хреном такой лютости, что у всех текли слезы, а он только с удовольствием кричал. Мне было приказано носить ему горячие блины от печки к столу на чистой утирке. И я с гордостью носила их дедушке на вытянутых вперед руках.

Однажды дедушка позвал нас с Володей к себе и усадил рядом с собой за стол. Мы никогда не удостоивались такой чести, поэтому с любопытством стали ждать, что будет дальше.

– Володь, ты брал помидор на воротах? – начал разговор дедушка.

– Нет, дедушка, я не лазил туда.

– А может, ты? обратился дед ко мне, хотя я уловила, что он больно склонен обвинить брата в пропаже помидора.

– Не-а, – бойко соврала я.

В детстве я лазила, как кошка. Не помню зачем, я забралась однажды на ворота и увидела наверху помидор, начавший уже краснеть. Увидела, съела и забыла. А спросили — побоялась признаться: вдруг бить будут. Он всегда строго говорил: “Не тобой положено, не тобой возьмется”. Я еще удивилась: откуда взялся помидор? В нашем огороде они никогда не росли. Я не знала, что его положил дед.

– Сейчас я узнаю, кто из вас украл помидор. Смотрите на мои руки, кто первым шмыгнет носом, тот и виноват.

И дедушка начал своими толстыми короткими пальцами с рыжеватыми волосками на них колдовать по столу, а мы внимательно следили за руками. У меня давно уже мокро под носом, но я терплю. А дед все водит руками по столу, даже скучно стало. И вдруг Володя шмыгнул носом.

– Я же говорил, что ты взял, – обрадовался дед.

– Нет, дедушка, я ей Богу не брал, – искренне божился брат.

Наказания ему никакого не было. Дети ложью защищаются, боясь побоев; не веря взрослым, хитрят, лгут.

Брат Николай, будучи сам уже делом, рассказал такой эпизод. Когда он был маленьким, ему подарил кто-то щенка. Он радостно принес его в дом, накормил молоком и отнес в хлев, где были рядом живот-

ные лошади, корова, овцы, каждая в своем закутке. Дедушка, не любивший собак, увидев щенка, заколол его вилами и выбросил из хлева вместе с навозом.

Дедушку, как выехали мы из села, я больше никогда не видела и о его судьбе ничего не знала. И только много лет спустя узнала от старшего брата Ивана, что дедушка жил в своем селе у родственников своей жены и на третий год после раскулачивания умер. А ведь он был очень крепким. Если бы не советская власть, завоеванная тремя его сынами (один погиб за нее), подрубившая его под корень, он бы мог пожить еще лет 20. Я не помню, чтобы он болел. И пессимистом он не был. Бывало, соседи, обсуждая ужасы, творимые коммунистической партией, панически вопрошали его: “Что же дальше будет?” Он спокойно отвечал: “Что было – видели, что будет – увидим”. В этом ответе слышится жизнеутверждение уравновешенного человека с достоинством и чистой совестью. Он от зари до зари пахал, скородил, сеял, косил, складывал скирды, молотил, веял, чистил хлев от навоза, вывозил его в поле, ухаживал за животными, ездил на мельницу, но праздникам ходил в церковь. Отдыхал только во время сна и по праздникам, когда работать считалось грех. Всегда трезвый, спокойный труженник.

“Прохлопали!” – укоряюще говорил он об односельчанах, апломентами встретивших советскую власть, а потом от продрозверстки, продIALOGа, от коллективизации, раскулачивания не знали, куда деться. “Завоевали!” – упрекал он своих сыновей. И в этих скупых словах я слышу ныне мудрость его: “Надо было сначала посмотреть, и не трепать ладони”.

Бабушка

Лукерия Епифановна, мать моего отца, была высокой, худой, костлявой и сутуловатой женщиной. Она не раз лупила нас костяшками согнутых пальцев руки по голове, стараясь попасть в темя. Боль от таких ударов едва не лишала сознания. Володе тоже доставалось. Трудно теперь сказать, за что она так долбила нас, но мы никогда не смели жаловаться, помня афоризм деда: “Доносчику – первый кнут!” Мы даже плакать не смели: за это еще добавят.

– Подлячка, дай пирожка! – обратилась она ко мне однажды. Время было голодное. Но почему она у мамы не попросила, а у меня? И что подлого я ей сделала?

Дядя Ваня

Брата отца я знала только по фотографиям. На одной он был сфотографирован в гражданской одежде с друзьями. А на другой они запечатлены с моим отцом в военной форме. Оба молодые, высокие. Отец сидит, сдвинув фуражку чуть-чуть набекрень, а дядя Ваня стоит рядом с таким выражением лица, словно он стесняется своего высокого роста и немного “сыроватого” тела. За свой рост и цвет волос они попали служить в Преображенский полк. И в Красной Армии они служили в одной части. Когда дядя Ваня заболел тифом, отец проводил его до санитарного поезда, сам помог занести его в вагон. Больше он никогда его не видел и никто ничего о нем не слышал. Отец говорил, что во время Гражданской войны так много красноармейцев умирало от тифа, что их не успевали хоронить. Трупы выбрасывали из санитарных поездов, не предав земле. Очевидно, и дядю Ваню так же где-то выбросили, даже не сообщив родителям о смерти. Давно окончилась война, а бабушка все ждала своего сыночка, сны какие-то ей снились, подкрепляя надежду. Гадалки обещали скорое свидание с ним.

Мама моя говорила, что дядя Ваня был лучше всех своих родных, отличаясь добротой и спокойствием. Я давно заметила, что раньше всех погибают лучшие. Наверное, потому, что они не думают о себе, а чаще о других или об общем деле, особенно в трудные времена.

Дядя Веня

В разгар Гражданской войны отцу удалось на несколько дней заскочить в родительский дом. И с порога он спросил: “Что слышно о моих братьях? Где они воюют?”

– От Ивана ни слуху ни духу, – сказала, утирая слезы Лукерия Епифановна. – А Ведеша, – бабушка замялась, а потом, перейдя на шепот, добавила, – скрывается на Плате. Там жила старшая замужняя сестра отца Дарья.

– Как скрывается! Ведь его, дурака, расстреляют за дезертир-

ство.

– Вот он и боится: на фронте убьют, а за то, что сбежал из части, расстреляют, потому и скрывается.

– Надо что-то делать, – размышлял отец вслух.

– Да, да, надо! Поговори, сынок, со своим начальством. Ты уж постарайся, возьми его с собою! – плакала бабушка.

Отец поговорил, спас жизнь брату — у начальства была душа.

Дядя Ксенафонт (Селифон)

Однажды, в разгар жатвы, я попросила Селифона, возившего с поля снопы, прокатить меня на лошадке.

– Прокачу, если дашь стегнуть себя кнутом, – весело ответил он мне.

– Ладно, – наивно согласилась я, не представляя, что это такое.

– Тогда подходи поближе, чтобы я достал тебя кнутом, да поскорее, а то мне некогда, – приказывает мне дядя, не останавливая лошади. Я послушно и радостно подбегаю, предвкушая, что прокачусь на лошади, как что-то обожгло мои босые ноги. Одновременно раздался шуршащий хохот Селифона.

– Но, милая! – услышала издали его голос, свист кнута ремня, которым он стегал теперь Пегашку. Я стояла окаменевшая, не веря случившемуся. Слезы сами собой лились из глаз. Я даже не успела крикнуть. Так неожиданно и жестоко произошло все. Но обиднее всего было то, что он обманул меня. Я посмотрела на то место, где все еще горела нога. А там появились багровые рубцы.

Казалось, чего проще — рассказать маме. Но на этот раз сработал неписанный в доме закон: доносчику – первый кнут. Я рано поняла на собственном опыте, что незаслуженное страдание особенно мучительно. Это произошло, когда в селе еще текла нормальная жизнь, когда у нас еще был свой урожай, своя лошадь, а мне было 5 лет.

Болезнь мамы

Мама дважды болела тифом: брюшным и возвратным. По ее рассказам, она была в таком состоянии, что окружающие уже перестали за ней ухаживать, ожидая со дня на день ее смерти. Навещал ее толь-

ко один сын Николай. В один из таких безнадежных дней маме захотелось кислой капусты, хотя местный фельдшер Михаил Андреевич запретил давать ей острое. Мама уговорила Колю принести ей укрادкой малость кислой капусты. Еда ей показалась слаще меда. Поела и с той минуты стала поправляться, а вскоре и совсем выздоровела.

Судьба жителей Калабино

Промчался страшный ураган преступной, насильственной коллективизации и беспощадного раскулачивания. Коммунистический смерч вырвал с корнем миллионы крестьянских семей из земли своих предков, лишив их крова., одежды, пищи, права жить, быть человеком, гражданином своего Отечества. Наша жизнь, подхваченная общим ураганом, круто изменилась. Мы давно скитаемся по чужим углам, а маме все еще снится любимое Калабино. Семья Григория Григорьевича Проскурина, попав в эпицентр урагана, исчезла. А ведь он защищал Отечество в первую мировую войну, трижды бежал из плена (дважды неудачно). Во время побегов получил много тяжелых ран. Имел Георгия трех степеней, а это высшая награда солдату за мужество и храбрость. Один его брат погиб в той войне. И вот семья, где было 7 детей, погибла неизвестно где и как. Сталин назвал это страшное время “головокружение от успехов”. А ежели по-научному, - геноцид. По этому поводу стоило бы устроить второй Нюрнберг, для коммунистов. Сталинские репрессии велись на основе решений партии. Тогда как в цивилизованном обществе принято: никакое преступление не может иметь законного основания.

Ожог ноги

Зима. По проулку на санях мчится свадебный кортеж с песнями под гармошку, с бубенцами, со свистом. Все, кто был в избе, бросились к окнам. Мне, как самой маленькой, достается окошко возле топки печи. Пока я стояла на коленях на лавке и смотрела на промчавшийся веселый и шумный обоз, бабушка закончила мять в огромном чугуна картошку для свиньи, поставив чугуна прямо подо мною. Я этого не видела увлеченная тем, что было на улице. Свадьба про-

чалась, мне стало неинтересно смотреть в окно и я начала, не оглядываясь назад, спускаться с лавки, стараясь левой ногой достать пол. И угодила в огненную липкую жижу размятого картофеля. Остальное я знаю по рассказу мамы. Пока она подбежала на мой крик, пока расшнуровала ботиночек, сняла его, потом чулок, то вместе с чулком сорвался шмат кожи.

Больной ребенок – лишняя помеха в доме. Для ухода за ним будет отрываться от дел какой-то работник. Почему же бабушка поставила чугуна и не предупредила меня? Наверное, потому, что на детей в доме смотрели как на неизбежное наказание. Опекать их, беречь, как это делают теперь, имея одного ребенка, не было принято. В лучшем случае мы росли, как сорняк, без особого ухода. В худшем – взрослые унижали дитя, не считая его за человека.

Рассказы мамы

Некоторые эпизоды о своей жизни со свекровью рассказывала мама, и это оставило след в моей памяти. Когда у мамы был еще только один первенец Ваня, он что-то расплакался, а маме надо было закончить какое-то неотложное дело. Она взяла из люльки плачущего сына и подала его на руки отцу, который был не занят ничем. “Еще чего не хватало! – со злобой вмешалась свекровь, чтобы мужик тебе детей нянчил!” Мама, как ошпаренная, молча забрала ребенка и после этого “урока” уже не смела никогда просить помощи по уходу и воспитанию детей. А он, наш отец, никогда никого ни разу не держал на коленях, не брал на руки.

А когда подросли старшие ребята, мама сажала в огороде подсолнухи. Но не успеют еще первые головки отцвести и налить зерна, как они кем-то срывались. Мама сначала думала, чужие воруют. А потом увидела, как подсолнухи валяются загнившие возле пуньки. Свекровь рвала их и прятала под подушкой. Пусть лучше сгниют, чем достанутся “саранче”, так, наверное, думала она.

Чужие яблоки

У Студенниковых был сад, огороженный высоким частоколом. Во дворе у них свирепо лаял Угадай. Мы очень боялись его хриплого

лая. Но иногда храбрились и подходили к забору, чтобы подобрать валявшиеся на земле яблоки. Чтобы перелезть через забор, мы с Володей искали такое место, где проходила между кольев моя голова. Володина голова крупнее и ни в одну щель не проходила. Когда голова прошла, то тело бочком проходит без труда. Мы это хорошо усвоили, хотя были малы. Я, подбирая яблоки, понимала, что это чужое и надо быть незаметной. Володя воодушевлял меня, подсказывал мне, где лежат яблоки.

- Не бойся, никого не видно! И Угадай молчит. Подними еще вон те, что лежат около лопуха!

- Ну их, они далеко, я боюсь, - я дрожала от страха и спешила уйти из сада.

Мы думали, что нас никто не видел. Но, как выяснилось потом, нас видели, но не трогали, так как мы были крестники дочерей Студенниковых. А еще потому, что мы не причиняли никакого вреда, подбирая червивые падалицы. Об этом сказала нам мама.

Подарки отца

Отец приехал с ярмарки. Внес в избу мешок с подарками. Подозвал всех нас к себе

- Это тебе, - сказал он Ивану, подавая новенький картузик в голубую клеточку на светлом поле и с пуговкой наверху, с лаковым ремешком над козырьком. - Ну-ка, примерь - хорош?

- В самый раз, - отвечает старшой и отходит, разглядывая подкладку.

- Теперь подходи ты, - зовет отец Николая и нахлобучивает на его голову точно такую же кепку. - А вот и твоя, бери, - говорит отец Володе. - А это тебе, - он наклонился над мешком.

Когда я подошла, он выудил из недр большого мешка точно такую же фуражечку, но самую маленькую. На мое недоумение и удивление других отец рассмеялся, а потом напомнил, что год назад, когда он вручал подарки братьям, я горько плакала от обиды, что мне он ничего не дал. Поэтому, чтобы не видеть моих слез, он на этот раз подарил то же, что и братьям.

На Ольшанке

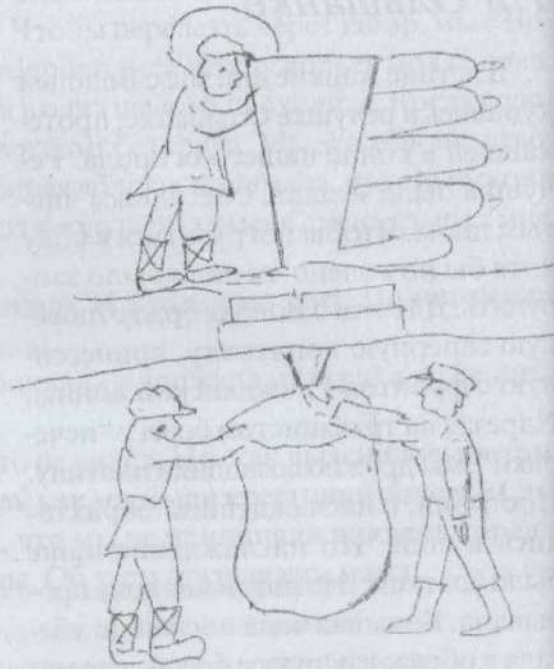
В летние жаркие дни мы с Володей купались в речушке Ольшанке, протекавшей в конце нашего огорода. Речушка была мелкая, с песчаным чистым дном. Чтобы погрузиться в воду хотя бы по колено, ее надо было запрудить. Для этого Володя брал отцовскую саперную лопаточку, принесенную с фронтов Гражданской войны. Нарезая на травянистом берегу "печерники", мы дружно возводили плотину. Построив, с наслаждением барахтались в воде. Но наслаждение наше было кратким: плотину нашу вода прорывала. Большая вода поспешно убежала в образовавшуюся брешь, словно спешила наверстать упущенное, пока была в запруде. Мы нарезали более толстые "кирпичи" и ремонтировали свое сооружение. А потом опять спешили "плавать", опираясь на дно и яростно колотя ногами по воде. Или весело брызгали друг в друга водой, пока опять не срывало плотину. Так чередовали купание со строительством. Потом Володя сообразил оставить у самого берега постоянный спуск для отвода избыточной воды. Такая конструкция оказалась устойчивой и простояла довольно долго. У меня совсем не осталось в памяти, а что же было на том берегу. Скорее всего, там были заросли кустарника, за который мы не отваживались заглянуть. Такое ощущение, что тот берег был краем земли, где нет никакой жизни.

На мельнице

В селе была паровая мельница. Мельник - мой крестный отец Мелентий Захарович. Внешность его я не помню, да и имя его мне подсказал брат Иван, когда уже писались эти воспоминания. Во вре-

мя работы мельница издавала на все село звук, похожий на “чих-чих-чих”, выпуская дым через железную трубу. У основания трубы был насыпан толстый слой речного чистого песка, в котором мы пекли картошку. Возле мельницы стоял огромный чан с дегтем. Мама говорила, что однажды по следу обнаружили, кто воровал деготь, неся его в дырявом ведре. С тех пор этот двор называют Дегтевы. Вот как возникают клички по-уличному.

Очень смутно вспоминается полуподвальное помещение, где мяти лен, пеньку, отделяя волокно от костры. Там, у самой стены, ходили вверх-вниз деревянные столбы-толкачи, создавая шум, пыль. Возле каждого толкача суетятся женщины: они то подкладывают под толкач, то выбирают изпод него готовое волокно. Я стояла на возвышении порога и не сразу нашла глазами маму в пыли, темноте и грохоте. Женщины тут же возле толкачей обтрепывали обмятые охапки, добавляя еще пыли. Мне ужасно не понравилось это отделение мельницы, я ушла на улицу ожидать маму. Там было светло, стояли возы с мешками зерна, дожидаясь очереди на помол.

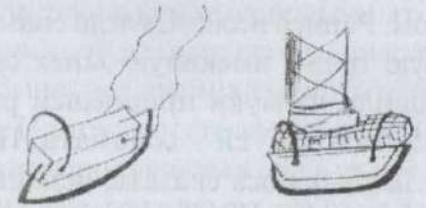
Приятнее вспоминать ту часть мельницы, где получают муку. Там все запорошено белым: окна, стены, пол, потолок и люди. Наверху в деревянную воронку засыпают зерно после команды мельника. Вместе с воронкой там все дрожит и вибрирует: пол, стены, стекла в окнах позванивают. Внизу под мирное, натруженное гудение жерновов течет теплой пахучей струйкой долгожданная мука в мешок, подвешенный на гвоздях. Время от времени мельник проверяет на ощупь

тонкость помола, потирая струйку муки между пальцев. У него все белое: кепка, волосы, одежда, сапоги, нос, уши.

Кипит жизнь во дворе мельницы. Те, что отмололи, запорошенные белым, веселые и довольные запрягают лошадей и уезжают домой. Те, у кого очередь далеко, распрягают лошадей, кормят их подвесив торбу с овсом на голову лошади. Вновь приехавшие распрашивают, велика ли очередь на помол.

Коньки

Коньки у нас были самодельные. В деревянный корпус внизу накрепко заделана от старой косы железная полоска. В деревянном корпусе прожжены отверстия для веревок. Привязать конек к ноге, обутую в чуню, не просто. Для этого была целая технология, с которой меня знакомил Володя, желая научить кататься. Вспоминается морозный день, но снега еще не было. Ольшанка основательно замерзла. Лед такой прозрачный, чистый, что через него прекрасно видно, как бежит водичка, шевеля зеленую травку. Мелькают рыбки, разбегаясь от наших теней враспынную. Володя летает на коньках, как птица, и зовет меня сойти с берега на лед.

Чтобы коньки на чунях держались крепче, Володя подмораживал их, окуная несколько раз ноги в прорубь. К вечеру, бывало, так накапается, что замерзшими руками не в состоянии был развязать обледеневшие веревки и ложился на печь спать прямо с коньками. Мама, ризувая, раздевая его, не могла разобраться в веревках (веревки от чуней, веревки от коньков) – она просто отрезала коньки от чуней спящего сына. Я не раз слышала по утрам, как Володя, собираясь на речку, горевал: “Опять веревки порезали...”

Пицца наша

Питались мы в доме деда довольно скудно. В хозяйстве были куры, но яйца нам давали только на пасху, крашенные, не более 2-3 штук на душу. Красили их в отваре луковой шелухи, которую собирали весь

год в специальный мешочек, висевший возле печи. Молоко давали только снятое. Если оно еще не скисло, им заливали в общей миске пшеничную кашу и ели обычно на обед. На ужин было чаще всего прокисшее молоко, которое бабушка называло казачкой. Оно тоже заливалось в общую миску, где лежали крошенные кусочки черного хлеба. Из вершков сбивалось масло, которого я никогда не видела на столе. Сыворотка, оставшаяся после сбитого масла, называлась иврагой, ее мне давали пить. Повседневная еда утром – картошка с квасом. Ранней весной, когда еще огурцов нет, в квас крошили огуречную траву, имеющую запах свежих огурцов. Во время поста готовили из муки проросшей ржи кисло-сладкое тесто, а из прожаренной муки – солomать. Позднее, когда у деда все отобрали, я затрудняюсь сказать, чем мы питались и как остались живы.

Молотьба

Жаркий день. На нашем гумне молотят хлеб. Лошади ходят по кругу и поворачивают крестовину, сбитую из слег. От крестовины движение передается через зубчатую пару, вал и широкий длинный ремень к гудящему барабану с зубьями. Из барабана с ревом вылетают зерно, солома, мякина и пыль. В зависимости от того, есть ли “пицца” у барабана или он вращается вхолостую, рев его то усиливается, то ослабевает. Для обслуживания конной молотилки требуется самое малое 4 лошади (лучше 4 пары) и много людей. Наша лошадь только одна, а чьи остальные – не помню. Один человек должен сбрасывать снопы. Два или три – подносить их к барабану. Еще один человек нужен развязывать на снопах перевясла. Самый опытный должен стоять у барабана, подавая равномерно развязанный сноп. Еще нужны люди, чтобы отгребать от барабана солому в одну сторону, зерно – в другую, а мякину – в третью. И не менее важны еще погонялы лошадей. Я не могу вспомнить, кто какую выполнял работу. Я только могу предположить, что сбрасывать снопы мог Николай, подносить снопы Иван и Селифон, развязывать перевясла бабушка, подавать в барабан отец или дед. Зато точно помню, что лошадей погоняли мы с Володей, сидя на крестовине с кнутами в руках, с удовольствием катались на лошадках. Мама стоит в самом пекле, где боль-

ше всего пыли. Отгребая из-под барабана зерно, солому, мякину, она укутала лицо платком, так что я едва узнаю ее. Эту молотилку привезли откуда-то к нам не сразу. За столом давно велись разговоры о том, у кого она молотит сейчас, к кому привезут ее завтра и через сколько дней очередь дойдет до нас. Молотилка, косилка и веялка были приобретены сообща на несколько хозяйств. Для умной власти это был зародыш коллективного хозяйства, родившийся не под дулом пистолета, а добровольно, на обоюдном доверии.

Перед молотьбой цепями готовили ток на гумне, срезая лопатой густую траву, чтобы создать твердую основу для выколачивания зерна из колосьев. Пока молотилки не было, дед начинал молотить цепом, чтобы не терять погожее время. На току расстилалось веретье, огромное брезентовое полотнище, на которое укладывались два ряда снопов колосьями друг к другу. Летний день год кормит, говорил дед, страдая от того, что дело не движется. Молотьба одним цепом – работа не спорая, скучная. Освободившись от работы по дому, спешила на ток бабушка. Работа в два цепа пошла веселее. А вот и мама пришла на помощь. Работа в три цепа со стороны слышна, как музыка. А под удары четырех цепов хочется плясать. Дед умел так бить, что солома сама поворачивалась. Иногда у кого-нибудь обрывался цеп, ритм работы сразу сбивался, цеп налетал на цеп, слышался характерный звон дерева о дерево. Молотьба прерывалась. Используя перерыв, кто-то шел пить, кто-то вытирал подолом фартука или рубахи пот с лица, а кто-то занялся ремонтом цепа. Молотьба давно закончилась. Машину разобрали и увезли куда-то. А на зеленом гумне долго еще оставался черный круг, вытопанный копытами лошадей.

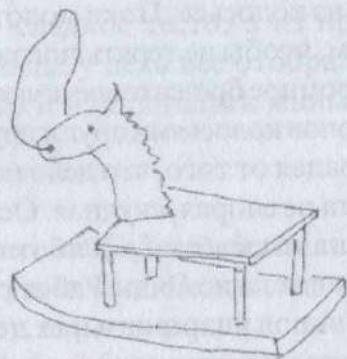
Наши болезни

Сначала Володя, а потом и я переболели корью. Во время болезни у меня, лежавшей в темном чулане, мелькали в глазах разноцветные узоры, круги. Эти цветные орнаменты я и после болезни умела видеть, стоило закрыть глаза. В такой же последовательности мы переболели еще одной болезнью: возле рта появились незасыхающие стру-
пья.

- Огонник, - сказала бабушка, - надо заговаривать. Вечером, когда за речкой зажглись огни, водила нас по одному на гумно, заставляла смотреть на огонек, а сама что-то шептала. Напоследок заставляла повторить какие-то слова. Возможно, те, что я вычитала в книге: "Огонь, огонь, возьми свой огонек". И болезнь, как ни странно, исчезла. Одно время, когда я легла спать, появилось ощущение, что мой язык чудовищно распух; пошевелила им, ощущение исчезло. Через минуту опять стало казаться, что растет, растет, распухая. Когда уже была здорова, вспомнила, как мне было неприятно.

Подарок отца

Где-то недалеко от нашего села была деревня Плата, там жила старшая сестра отца Дарья с мужем. Мама иногда говорила с обидой, что бабушка отвозила этой дочери натканые мамой холсты, попоны, дарила ей пеньку, замашки, словно у нее этого своего не было. Лишь бы "саранче" - (т.е. нам) не досталось. Однажды отец отвез родителей погостить на Плате. Было лето. Оттуда он привез мне, спрятав в старновке (солома после молоты-бы цепами) скамейку для катания с горы. Скамейка имела украшение: спереди прикреплена выпиленная из доски голова лошади. Зимой мама низ скамейки обмазала коровяком, заморозила его. Поверх замерзшего коровяка нарастила слой льда. Неровности на льду были срезаны — и скамейка готова: скользит по снегу, не удержишь. Я катаюсь на скамейке с гумна на дорогу. С того места, где я сажусь на нее, дорогу загораживает дом, а справа — амбар. Однажды еду я, скамейка набрала скорость. И, когда мне стала видна дорога, я поняла, что попаду под лошадь. Я соскользнула со скамейки, и она уже без меня угодила между санями и лошадью. Сначала я обрадовалась, а потом увидела, что скамейку увозит мужик на розвальнях, помахивая кнутом. Какое-то время я подождала, пока он остановит лошадь

и отдаст мне скамейку. Но он и не думал этого делать. Тогда я побежала вдогонку за санями и громко стала плакать и просить мужика:

- Дядь, отдай скамейку. Меня отец будет бить за нее!

Очевидно, возница был недобрый человек, он и после этого не спешил отдавать. Тогда я еще громче стала реветь. Дурной человек, отъехав на приличное расстояние, остановил лошадь, вытащил скамейку и, отдавая, в чем-то стыдил меня.

О картошке

Запомнился рассказ мамы о том, как однажды, когда картошка у нас давно взошла и была уже распахана (окучивание), выпал сильный град, срезавший, как косой, всю ботву. Люди, увидев такую беду, ахнули и были уверены, что не миновать голода. Ведь для русского человека картошка — второй хлеб. Но время стояло теплое, ботва быстро отросла заново. Осенью, собирая урожай, люди еще раз ахнули: такого обильного урожая не помнили даже старики. При обычном урожае мерка посаженной картошки давала воз, а на этот раз — 1,5-2 воза (мерка — деревянная тара, вмещавшая два ведра). Вот я и думаю: повторить бы такое на опыте. Может, всегда надо срезать первую ботву, как у помидоров срезают пасынки, у тыквы и огурцов — лишние плети и завязи.

Игра в бирюльки

Зимний вечер. В хате нас трое: бабушка, Володя и я. Мы сидим за столом. Горит керосиновая лампа, висящая над нами. Бабушка нарежет ножницами из соломки бирюльки длиной около 5 сантиметров. Нарезав целую пригоршню, высыпает их на середину стола, образовав небольшую горку соломинок-бирюлек. Потом просит подать соломинки с колосками. Отрезав колосок, изготовила первый крючок длиной с карандаш. Послونهاвив во рту кончик соломинки, стала греть над лампой в согнутом состоянии. Первый крючок она отдала Володе, и потом сделала себе и мне. А потом началась игра в бирюльки: по очереди надо тянуть бирюльки из вороха так, чтобы не шевельнуть соседние. У кого шевельнется соседняя, тот передает игру другому игроку. У меня от радости и волнения, что бабушка столько уде-

лила нам внимания, забегали по спине какие-то щекочущие точки, словно запульсировали под кожей какие-то пузырьки, чего раньше никогда не ощущала. Победитель тот, кто больше наберет бирюлек.

Уборка картофеля

Погожий, теплый день ранней осени. Все собираются ехать в поле на уборку картофеля. Я заранее радуюсь долгой поездке на лошадке, полевому простору, летящей паутине, костру, который мы разведем с Володей. Предвкушаю запах и вкус печеной картошки, которую все будут есть, обжигаясь и густо посыпая солью.

Я уже мысленно видела, как соха с острыми сошниками и зеркальной палицей вспарывает картофельную грядку, выворачивая на поверхность отменные клубни — продолговатые, розовые, с едва заметными глазками без углублений. Этот сорт в нашем доме называли американка. Это превосходный, скороспелый, вкусный, рассыпчатый сорт, какого я больше нигде и никогда не встречала. Вспомнила, как мама учила меня собирать клубни:

— Сначала возмись за куст высохшей ботвы и встряхни его, чтобы осыпалась земля. Потом оборви с него клубни, складывая их в ведро. Собери те, что лежат сверху. И только после этого разгребай руками земляной валик, созданный сохой, и постарайся выбрать из него все картофелины, даже мелкие — они нужны на корм скоту.

— А такие тоже? — спрашиваю я маму, показывая мелочь с голубиное яйцо.

— Такие можно не брать.

Эту работу нужно выполнять быстро, иначе соха при следующем заходе засыплет землей борозду, где клубни еще не выбраны. Я мысленно уже собирала сухую ботву и сухие лепешки коровяка для костра. Отбирала не очень крупные и не очень мелкие клубни, закладывала их в раскаленную золу. Мысленно видела, как взрослые, наевшись, попили квасу из жбана и лежат на сухой ботве под телегой, отдыхая в холодочке. А мы с Володей устроили состязание, кто дальше забросит мелочь, нанизанную на острый конец палочки.

Все это я предвкушала, сидя за столом во время завтрака, учитывая опыт прошлого года. Мои мечты развеялись, как пыль по ветру,

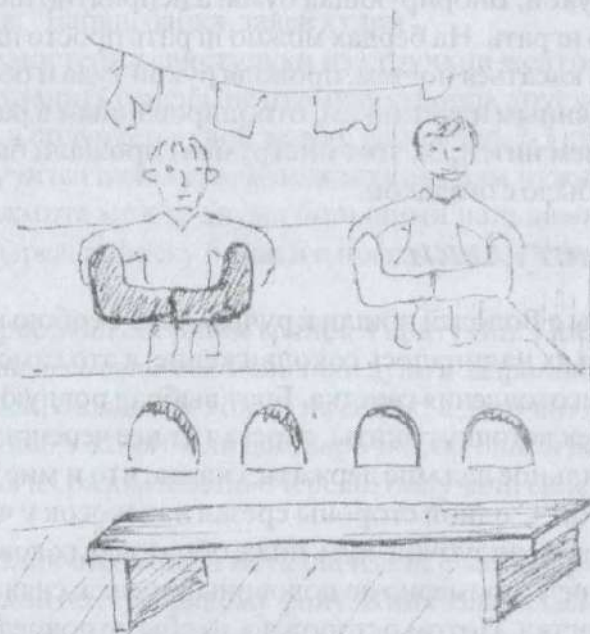
когда мне приказали остаться дома и помогать бабушке сортировать и убирать картофель в погреб. Так мне было обидно, больно, горько, что слезы потекли по щекам.

Все уехали, а мы стали ждать первую подводу с урожаем. И так мне было тоскливо в первые часы ожидания. Я жгуче завидовала тем, кто уехал. Пыталась представить себе их там... Весь день, не разгибая спины, мы отбирали крупные клубни и высыпали их в наклонный желоб, который установил дедушка. По желобу картошка сама скатывалась в погреб. Мелочь ведрами носили в погреб по земляным ступенькам, ссыпая в отдельный загром. Я делала все то, что и бабушка, даже быстрее ее, только у меня было маленькое ведро. Я так усердно работала, что бабушка во время ужина похвалила меня.

Мы

музицируем

Мы росли, не зная фабричных игрушек. Все свои игрушки мы мастерили сами. Для этого было пригодно все, что попадало под руку. Так, в зимнее время, сидя на печи, мы с Володей развлекали себя тем, что играли "на гармошке", держа на коленях воткнутые друг в друга старые пыльные вальденки и упоенно мурлыча: "Тына-тына-ты-на-на!" Стоило такой концерт услышать деду, вернувшемуся со двора в избу и грозно произ-

нести одно только слово “почашша”, мы мгновенно умолкали, словно уличенные в чем-то преступном. Иногда музыкальным инструментом для нас была поперечная пила. Если ее поставить “на попа” и быстро то разгибать, то выпрямлять, она издает изумительно нежные, плывущие звуки, слушать которые можно бесконечно. Если, конечно, не увидят взрослые и не наградят подзатыльником.

Иногда мастерили с Володей “балалайку”. В дощечку, вырезанную по форме балалайки, забивали гвозди и натягивали на них суровые нитки. Звук от них был слабый, нечистый, но нам в игре и этого было достаточно. Чистоту и звучность создавало неумное детское воображение. Плохо было в этом инструменте то, что нити быстро вытягивались и их надо было подтягивать. Подтянешь раз-другой, а потом они рвутся. Очень сильный звук издает гребень, если между зубьями протянуть полоску тонкой бумаги и дуть в нее. Правда, звук получается некрасивый, гундосый, да и такая бумага не всегда была под рукой. Вибрирующая бумага неприятно щекотала губы, мешая долго играть. На бердах можно играть просто пальцем, если быстро, легко касаться ногтем, проводя рукой туда и обратно по тоненьким деревянным пластинкам, отполированным в работе ткацкого стана трением нитей. За этот инструмент дрожали бабы, поэтому играть надо было с оглядкой.

Свистульки

Мы с Володей пошли к ручью, взяв с собою ножик. Была весна, в деревьях начиналось сокодвижение, а это самое подходящее время для изготовления свистка. Брат выбрал ровную, без крупных сучков и почек веточку ракиты, отрезал от нее черенок длиной с карандаш, а остальное дал мне держать, сказав, что и мне потом сделает из нее свисток. С одной стороны срезал наискосок у черенка кончик, а потом вырезал зубчик, чуть ниже образовав головку свистка.

Снизу, примерно до половины черенка, снял кору, образовав ручку свистка. Потом осторожно, чтобы не повредить кору на головке, обстучал по коре ручкой ножа головку, оперев ее на деревянном срубе колодца. Обстучал основательно, по всей длине и вокруг. Затем он повернул кору вокруг стержня и легко, как по маслу, снял всю оставшуюся кору.

– Подержи, – он подал мне пустую оболочку свистка, а сам стал готовить “начинку”. Отрезал от стержня головку, сделал в ней лыску. Вставив в корпус сверху головку, брат дунул в свое изделие. О чудо! Как хорошо, как музыкально запел этот совсем недавно молчаливый черенок ракитной веточки.

Он начал делать второй свисток, теперь уже для меня. Если менять величину зазора между головкой и стержнем, будет меняться тембр. А если положить внутрь шарик бузины, свисток будет с трельями.

Отличные свистульки получаются из стебля цветка одуванчика. Оторвите кусочек трубочки чуть длиннее спички, один конец трубочки надо сплющить зубами – и свистите себе на здоровье, ощущая приятную горечь во рту от сока одуванчика. Если же свистеть в закрытую пригоршню, то можно изобразить плач ребенка. Из этих же трубочек одуванчика любили делать завитушки, вращая во рту стебелек и приговаривая: “Бабка, бабка, завей кудри”.

А кто из детей не мастерил свистульки из стручков желтой акации! Для этого надо удалить семена, не отрывая створок друг от друга. У каждого стручка получается свой тембр. Если взять 2-3 стручка одновременно, получится целая симфония звуков. Вам нужен разбойничий свист? Зажмите между двумя большими пальцами лист ракиты, осоки или пырея, полоску бумаги и посильнее дуйте на ребро этого листа.

Иногда по селу проезжал сборщик тряпок Таратухин. После его вояжа вся улица заливалась свистом: мальчики дули в задранные хвосты игрушечных коней, больше похожих на собак, а девочки дули в протянутую руку куклы. У коня были две дырочки, по одной на каждом боку. Прикрывая их разом или по очереди, получали свист с переливами.

У некоторых счастливых были металлические соловьи, раскрашенные цветной краской по серебряному фону. В них заливалась вода, и свист напоминал шелканье настоящего соловья. У нас такой игрушки никогда не было, хотя очень хотелось иметь. В перестроечное время увидела на рынке такую игрушку и с радостью подарила соловья Косте, внуку Володи. Но Костя был равнодушен к нему, и соловья вскоре не стало.

Продолжение следует

Олег Якубсон

Художник В.М. Неделин

Православные храмы г. Ливны XVII - XX в.в.

В средние века г. Ливны являлся не только форпостом Московского государства на его южных границах, но и выполнял важную идеологическую функцию — активное утверждение христианства посредством строительства православных храмов и основанием монастырей, что способствовало успешной колонизации обширной территории в бассейне реки Быстрой Сосны. Сведения о наличии православных храмов и монастырей в городе находим в разрядных приказах и писцовых книгах Белгородского и Московского столов, которые хранятся в Центральном Государственном Архиве Древних Актов. Эти документы датируются XVI-XVII веками. Из них видно, что Московские государи отлично понимали значение единой веры для упрочения их личной власти, создания монолитного сильного государства. Поэтому они оказывали значительную моральную и материальную поддержку церкви и монастырям путем раздачи свободных земель, денег, книг и другого имущества.

На Руси начало строительства городов приурочивалось к ближайшей дате церковного календаря с одновременной закладкой храма, который при дальнейшем развитии строительства становится главным Соборным храмом.

Так произошло и с началом строительства Ливенской крепости в 1586 году в один из главных христианских праздников — Троицу. В этот день освятили не только строительство Малого острожка, но и закладку на его территории Соборного храма Живоначальной Троицы, который стал главным хранителем нашего города.

Троицкий собор стоял в центре Малого острожка, границы которого совпадают с территорией современного городского парка. По мере роста численности гарнизона крепости на территории Малого острожка к концу XVI века появляются следующие храмы: Троицкий Собор с пределом Рождества Богородицы, церковь Николая Чудотворца и Воскресения Христова с девичьим монастырем, Пророка Илии с пределом Дмитрия Солунского, Святой Параскевы Пятницы, Вознесенская церковь.

В последующие годы вокруг Малого острожка, или кремля, стали возникать военные поселения, то есть слободы — Стрелецкая, Пушкарная, Ямская и пять казачьих (Егорьевская, Афанасьевская, Ни-

кольская, Покровская, Успенская). Позднее появились Черкасская и Беломестненская слободы, в каждой из них была своя церковь. Особенно стоял Сергиевский монастырь.

Первые храмы были деревянными. Они мало чем отличались от обычных гражданских строений, только приподнятой крышей, которую венчал один или несколько куполов с крестами. Благодаря художественной реконструкции В.М. Неделина (см. иллюстрацию в конце монографии) мы можем представить, как выглядели эти храмы. На рисунке изображена улица в Ливенском Малом острожке в начале XVII столетия. На нем уголок Ливенского кремля с церквями Николая Чудотворца и Воскресения Христова. Большая по размерам Никольская церковь предназначалась для богослужений в летнее время, а маленькая “теплая”, т. е. отапливаемая, Воскресенская — в зимнее время. Обе они были сожжены в 1618 году во время завоевания Ливен гетманом Сагайдачным.

Вообще в городе, где все строения были деревянными и стояли очень близко друг к другу, пожары происходили достаточно часто. По этому после очередного опустошающего “великого пожара” 1774 года стали сооружать храмы из кирпича с использованием местного известняка. До этого только Сергиевский храм мужского монастыря в 1664 году был отстроен из камня.

Однако вернемся к истории Троицкого Собора и других храмов Малого острожка.

Троицкий Собор. Сохранилось описание Троицкого Собора, сделанное 29 лет спустя после его постройки. Как видно из Приправочной книги за 1615 год: “Соборная церковь имя Святыя Живоначальной Троицы, да и другая церковь придельная Рождества Пречистая Богородицы, деревяна клетчки (т. е. с куполом на подобие клетки) ветха, а образы в той церкви в Соборной Живоначальной Троицы... — Рождества Пречистыя Богородицы обложены серебром штилистовой (шести листовой), венцы сканые (из скани, волоченного золота и серебра, ссученные)... на престольная на прозелени... да двери Царские... За соборными попы Живоначальной Троицы, что на Ливнах внутри города, за двумя человеки за Василием да за Максимом, земля выше Засосенския Беломестныя слободы у Попова верха от реки Сосны: пашни пахонныя дикого поля 20 чети в поле да потому ж;

Троицкий Собор

сена по дикому полю и Попову верху 40 копен”.

Обращает на себя внимание тот факт, что деревянные строения быстро ветшали. После пожара 1774 года поставили каменный храм, который простоял до 1809 года. Потом здание было разобрано, а Собор построили на новом месте, за пределами Малого острожка на пересечении улицы Елецкой (ул. Свердлова) и Московской (ул. Ленина). Длина Собора с колокольней — 20 саж., наибольшая ширина — 11 саж., высота до верха карниза 12 аршин. Имелся большой купол, в куполе 12 окон. Колокольня в три яруса, высотой в 14 саж.

Здание Собора пережило Октябрьский переворот, Великую Оте-

чественную войну, в послевоенные годы в здании храма размещался крытый рынок, а на прилегающей площади был базар. После того, как городской рынок перенесли на нынешнее место, храм разобрали на кирпич, а щебень перемешали в бетономешалках и использовали при восстановлении разрушенных войной зданий. Так город лишился своего главного храма. Теперь, когда пришли другие времена и строятся новые храмы, почему-то совсем забыли о Соборе, а его место в центре города заняло громадное аляповатое здание, чем-то напоминающее протестантский храм.

Церковь Рождества Пречистой Богородицы. Иначе сложилась судьба храма Рождества Пречистой Богородицы. Новое здание было построено с северной стороны от Сергиевской церкви, ориентировочно на месте галереи героев Великой Отечественной войны. В 1829 году Рождественская церковь упраздняется как приходская и отдается Ливенскому духовному училищу. Скорее всего, здание храма было деревянным, поэтому при строительстве главного учебного корпуса в 1902 году к нему пристроили и церковь, которая вместе с алтарем сохранилась до наших дней. В ней сейчас находится столовая лицея.

Церковь Пророка Илии. Церковь Пророка Илии да придел к ней Стратотерпца Христова Дмитрия Солунского (1615 г.) "деревяна клетцки, ветха, а в церкви образы и свечи, и книги, и колокола, и всякое строение церковное поповское, а служит в той церкви поп Иван, двор его на погосте у церкви Святого Ильи, а земли в той церкви нет.". Если судить по ветхости, то она построена вслед за Троицким Собором на самом мысу, у слияния Ливенки и Сосны с видом на Заливенку и Беломестную. Позднее церковь Илии Пророка была упразднена, а Дмитрия Солунского перенесена в Беломестненскую казачью слободу в XVII веке, где была выделена земля. Деревянная церковь простояла до 1855 года. В 1841 году приступили к строительству каменного храма. Завершилось строительство в 1848 году возведением колокольни в три яруса. При церкви было построено здание церковно-приходской школы. Храм Дмитрия Солунского был разрушен последним, в 60-е годы XX столетия. Он будет и первым восстановлен, хотя строительство Георгиевского храма начали на год раньше — в 2000 году.

Церковь Воскресения Господа Иисуса Христа. "В Малом острож-

ке церковь Николая Чудотворца, деревяна клетцки, да другая церковь теплая Обновления храма Воскресения Господа Иисуса Христа, деревяна клетцки, а в церквах образы и свечи, и книги, и всякое церковное строение и колокола попа Карпа, а служит у тех церквей поп Игнатий по найму у вдовы попадьи попа Карпа у Овдотьи, земли к тем церквам в ряд со Стрелецкой землей по Новосильской дороге, под Красным лесом: пашни паханья добрая земли 5 чети в поле, а в дву по тому же, сена по дикому полю по логам, по верхам и по дубравам за рекой Сосной за Мининой удерев: дикого поля 10 чети в поле, а в дву по тому же сена по логам и по дубравам 20 копен..." (1615 год). Эти два храма стояли в северо-западной части Малого острожка, а между ними и западной крепостной стеной располагался девичий монастырь, о котором у нас нет письменных сведений, есть только план Малого острожка, где нанесены постройки девичьего монастыря. В 1767 году вместо двух деревянных храмов поставили один каменный, который простоял 90 лет. В этой церкви в 1818 году был крещен известный русский актер МХАТ П.М. Садовский, на его свидетельстве стоит печать Ливенской Воскресенской церкви. В 1855 году храм частично разобрали, но еще долгие годы, до начала XX века, оставалась стоять трапезная с колокольней с северной стороны современной танцверанды.

Освободившееся место отдали под Никольскую площадь, от которой строго на запад брала начало Никольская улица.

Церковь Новая Никола. Под строительство нового храма отвели участок на пересечении улиц Дзержинского и Горького (сквер 30-летия ВЛКСМ). Новую Николу ливенские купцы строили вскладчину, но большую долю, особенно на завершающем этапе (отделка и убранство), внес А.Ф. Адамов. Храм состоял из двух частей: настоящая холодная и трапезная теплая. Пятиглавый храм выдержан в византийском стиле. Самая большая глава посвящена Иисусу Христу, а главы малые — четырем Евангелистам. Храм имел три престола. Колокольня в 60 аршин, в 5 ярусов, ограда каменная с железными решетками длиной в 59 аршин. Торжества освящения нового храма продолжались с 4 по 6 июля 1876 года. Присутствовали почетные гости: Орловский губернатор К.Н. Бобарыкин и граф А.Н. Толстой. Это был самый красивый храм в городе. Разрушен в 50-е годы XX

Церковь Новая Никола

века.

Церковь Св. Параскевы Пятницы и Вознесенская. На 1615 год в Малом острожке значились еще две церкви: ц. Святой Великой Мученицы Христовой Параскевы, нарицаемой Пятницей "...древяна клетки, а в церкви образы и свечи, и книги, и всякое церковное строение города Ливен посадских и уездных людей, а у той церкви поп Герасим, двор ево у церкви на погосте, а земли у той церкви нет". Церковь перенесли и поставили рядом с Рождественской церковью на посаде.

Еще меньше сведений о Вознесенской церкви. Известно, что она находилась в восточной части Малого острожка, а в XVII веке Воз-

Вознесенская и кладбищенская церкви

несенская церковь находится уже на городском кладбище. И в этой бесприходной церкви целых 47 лет служил протоиерей Николай Булгаков, отец известного философа-богослова С.Н. Булгакова. "Церковь была мужицкая, серая...Здесь было меньше эстетики: пение (тоже дьячка), трогательно в своей простоте и благочестивой наивности, нас пленяло" (С.Н. Булгаков "Моя родина"). Построена церковь в 1846 году, рядом колокольня в три яруса. В пятидесятые годы, после войны, на месте кладбища стали строить Насосный завод, а церковь некоторое время служила одним из цехов завода, но потом ее разрушили. В 2003 году начато строительство Вознесенской часовни у проходной завода, и сейчас она вступила в строй.

Итак, Вознесенским храмом заканчиваем историю церквей, возникших на территории Малого острожка.

Настала очередь церквей, возникших непосредственно на посаде, в границах Большого острога. Военные казацкие поселения располагались в непосредственной близости от Малого острога. В каждой из слобод насчитывалось несколько десятков дворов, в которые должны были поставить до сотни казаков в полном снаряжении. Здесь же находились дворы командного состава: сотника, пятидесятников и десятников. Казаки на посаде строго придерживались традиций: начало строительства слобод приурочивалось к ближайшему церковному празднику с одновременной закладкой церкви, посвященной празднику, такое же название получала и слобода. Этот праздник считался престольным, он в простонародье назывался “kozyрной”.

Церковь Страстотерпца Георгия и Св. Афанасия Александрийского. Ближе всех к кремлю находились Егорьевская и Афанасьевская слободы, всего в 17 саженьях (36 м). В обеих слободах находилось 180 дворов строевых казаков да два двора казачьих сотников. Соответственно, были построены две церкви: Страстотерпца Христова Георгия и Св. Афанасия Александрийского. Обе деревянные церкви стояли рядом на территории спортивной площадки школы №6. Так как четкой границы между слободами не было, то со временем слободы слились вместе. А часть Афанасьевской территории заняли в 30-е годы XVII века переселенцы — Черкасские казаки. Название Афанасьевской слободы исчезло как административная единица, а вместе с ней и Афанасьевская церковь. Деревянный Георгиевский храм был перестроен в каменном исполнении в 1823 году. А в 1906 году в 40 метрах севернее освятили новый красивейший храм, который стал именоваться Новым Георгием. Старую Георгиевскую церковь переосвятили в храм Всех Святых, или Всесвятскую церковь. Оба храма были разрушены в конце 50-х XX века.

Стрелецкую и позднее образовавшуюся Черкасскую слободу обслуживала одна церковь Великомученицы Христовой Параскевы Пятницы. Ее перенесли стрельцы из Малого острога на свое новое поселение, но ее месторасположение неизвестно.

Церковь Николая Чудотворца и Святых Фрола и Лавра (Казанская церковь). В Никольской казацкой слободке было две церкви: Николая Чудотворца и Святых Фрола и Лавра, обе деревянные. В 1770 году вместо них поставили каменную церковь и переосвятили ее в

Старая Георгиевская церковь

Новый Георгий

Казанскую. Располагалась она на пересечении улиц Свердлова и К. Маркса. Длина церкви 23 аршина, ширина — 11, а высота — 3 сажени.

На территории Заливенки находилось две казачьи слободы: Покровская и Успенская, а в них соответственно церкви Покрова Пресвятой Богородицы с приделом Мученика Христова Никиты и церковь Усыяния Пресвятой Богородицы с приделом Архангела Михаила. Церкви деревянные, располагались практически на одной площади между двух слобод, в излучине реки Ливенки, на противо-

Казанская церковь

Казанская церковь (1770 г.)

Колокольня Старой Николы

ложной стороне от городского сада. Первые сведения об этих храмах относятся к 1646 году. Просуществовали они до 1682 года и по ветхости были упразднены кроме Успенской. Ее в 1799 году перестроили в каменном исполнении. При церкви была церковно-при-

Храм Успения Пресвятой Богородицы

Успенская и Заливенка

ходская школа. Разрушена церковь в первой половине XX века. В Заливенке находилась еще и поремная церковь.

В память о почившем Государе Императоре Александре II в 1884 году построена часовня над погребальным склепом — местом упокоения начальственных лиц упраздненного Сергиевского монастыря. Усадьба под часовню была куплена купцом Соболевым и подарена Соборной церкви. Теперь на этом месте стоит дом церковнослужителей, а под ним сохранилась подземная часть часовни.

Еще была богадельня над рекой Сосной (спортивная площадка школы №6), основанная при содействии Святителя Тихона Задонс-

Храм Дмитрия Солунского в Беломестном

кого в 1771 году. Половину здания занимала богадельня, а вторую часть Кирило-Мефодьевская школа.

Кроме того, в городе было при каждом храме кладбище. Из них сохранилось только одно, в Беломестном, на месте Воскресенского кладбища построен завод. К старым кладбищам относятся Заливенское и Стрелецкое (Сеновал).

Легенды и быль ливенского Успенно-Сергиевского монастыря.

Успенно-Сергиевский монастырь, или, как его называют в народе, просто Сергиевская церковь, является самым древним в нашем городе архитектурным сооружением. Современный архитектурный ансамбль включает лишь уцелевшую часть упраздненного по указу Екатерины II в 1764 году мужского монастыря.

Судьба монастыря тесно переплетается с судьбой нашего города.

Храм остается единственным свидетелем исторических событий на протяжении нескольких столетий. Вот почему он так близок и дорог ливенцам и требует постоянного внимания и заботы не только верующих, но и тех, кто считает себя атеистом.

Согласно местному преданию, возникновение монастыря относится к XI-XII векам, когда еще Ливенская земля входила в состав Рязанского княжества. Идеи христианства активно распространялись в наших местах миссионером Кукшей. Монастырь был основан подвижниками Кукши — монахами из Киево-Печерской Лавры, разоренной кочевниками. Назван монастырь — Успенской обителью в память о главном храме Киево-Печерской Лавры Успенской церкви.

Монастырь первоначально располагался на горе Удерев на правом берегу реки Сосны в трех километрах от города. С высокого крутого берега открывается живописная панорама на город Ливны и его окрестности. В настоящее время на этом месте находится заброшенный известковый карьер у деревни Горностаевка. И сегодня это место старожилы называют Поповой горой. Такая точная географическая привязка местоположения монастыря достаточно убедительна и правдива, но утверждать, что это и был первоначально Сергиевский монастырь, было бы ошибкой. Как отмечает Г. Пясецкий, "...это был и не Сергиевский монастырь, так как Св. Сергий Радонежский жил в XIV веке и прославлен Российской церковью уже в последствии". Что же касается названия места Поповой горой, то это можно объяснить тем, что земля принадлежала одному из Ливенских храмов — Троицкому собору.

Но легенда есть легенда, а письменных источников, подтверждающих ее, не обнаружено. Нет свидетельств и о переносе монастыря под защиту Ливенской крепости.

Официальным письменным документом, дошедшим до нас, в котором упоминается Сергиевский монастырь, является царская жалованная грамота 1592 года: "Генваря в 25 день блаженной памяти Государя царя и Великого князя Федора Иоанновича Всея Руси пожаловал в Сергиевский монастырь на церковное строение, на ладан и свечи, и на вино церковное в Ливенском уезде реку Тим со всеми угодыми". Этот документ свидетельствует о том значении, которое Сергиевский монастырь играл в те годы. Московское правительство

хорошо понимало стабилизирующее значение Сергиевского монастыря на беспокойных южных рубежах Московского государства и поэтому его регулярно поддерживало финансово и морально.

Монастырь служил не только для распространения христианской веры и культуры, но и играл наиактивнейшую роль в деле колонизации Ливенского края. Если служилые люди и помещики часто сменялись в силу нестабильной обстановки, то монастырь и окружающие его церкви прочно сидели на своих погостах и старались превратить дикое поле в землю обетованную.

Владения Сергиевского монастыря еще больше расширились в 1615 году, в год возведения в сан игумена настоятеля обители многопочитаемого всеми Харлампия. В Приправочной книге за 1615 год записано следующее: "В Большом остроге — монастырь Сергиев, а в монастыре церковь Великого Чудотворца Сергия Радонежского, да другая церковь теплая Благовещения Пресвятой Богородицы, деревянная клетцы, а в церкви у Чудотворца у Сергия образы местные. А в монастыре игумен Харлампий да поп черный, да 11 человек братии живут по кельям".

В той же Приправочной книге за 1615 год записано, что монастырь владеет кроме реки Тим с ее притоком Косоржей еще и другими землями. За монастырем числилось: "Сергиев монастырь за игуменом Харлампием с братией... что по Государеве Цареве и Великому князю Михаилу Федоровичу Всея Руси грамоте... а отдали же вотчину в Сергиев монастырь на свечи и на ладан, и на вино церковное игумену с братией, и на пищу в Ливенском уезде речку Кшеневу... с бобровыми гонами и с хмелевыми болотами... и луга береговые со всеми угодыми. Да за игуменом с братией в вотчине слободка за рекой Сосной от города Ливен вниз по Сосне на берегу озера (Илюшкино озеро, прим.ред.), а в слободке крестьяне... новой пашины доброй земли осьмина, да дикого поля 69 чети с осьминою... сена... 140 копен".

После разграбления в 1618 году гетманом Сагайдачным Ливен и монастыря в мае 1619 года "по Государеву указу велено послать в Ливны Благовещения Пречистой Богородицы и Чудотворца Сергия, в два храма церковного строения: образов и книг, и всякого церковного строения на 75 рублей". Это в очередной раз подтверждает, ка-

кую важную роль играл монастырь в то время. Царские милости сыпались на него, как из рога изобилия.

По сведениям за 1630 год: “За игуменом Харлампием с братией вотчина в Красном стану... по выписи воеводы С. Иленьева, что он по Государеве и Великого князя Михаила Федоровича Всея Руси грамоте отказал в Сергиев монастырь Никитский починок... а в нем место дворовое... пашни перелогом четверть, да дикого поля 29 чети... Сена по речке на Присушку и по дикому полю и по дубравам 60 копен, а выезжати по селитовный и по дровяной лес — в Красный лес, в ряд с помещики да 8 дворов крестьян, а те крестьяне на Ливнах в казаки 17 мест дворовых крестьянских и бобыльских... и всего за игуменом Харлампием с братией... двор монастырский, а в нем живут детеньши, два двора крестьянских, людей в них тож — 7 дворов бобыльских, а людей в них 17 человек, 23 дворов крестьянских пустых 17 мест дворов крестьянских и бобыльских”.

Сам монастырь хотя и располагался в непосредственной близости от стен Малого острога, защищен был слабо. В ЦГАДА сохранился Сметный список за 1630 год следующего содержания: “На посаде монастырь Живоначальной Троицы Преподобного Сергия. От острогу 30 сажен. А в приход воинских людей (неприятеля) тово монастыря уберечь невозможно. А около монастыря и тех слобод надолбы. А иных крепостей нет, острогу и рву нет”.

В 1646 году во главе монастыря стоял игумен Иоанн. Кроме земельных владений, упомянутых выше, за монастырем числилось: “... да за городом на берегу Сосны Сергиевского монастыря, что на Ливнах, игуменом Иоаною с братией слободка, а в слободке крестьяне... всего 18 дворов крестьянских, а людей в них 41 человек. Да за тем же монастырем живут бобыли около монастыря на монастырской земле на оброке... всего 14 дворов, людей в них 40, бобыльских людей в них 22 человека”.

Документы свидетельствуют, что, несмотря на литовское разорение и татарские набеги, а их было за 12 лет (1622-1634 г.г.) на Ливенский уезд целых 25, Сергиевский монастырь продолжал не только существовать, но и благоденствовать. Его земельные и крестьянские наделы постоянно росли, а сам монастырь еще более застраивался.

Сильнейший пожар 1647 года, в результате которого в городе сго-

рело 5 церквей, не обошел и Сергиевский монастырь. Пожар уничтожил в нем три храма, братские кельи, дома белого священника и диакона, двор монастырских бобылей.

Перед нами документ — Отписка воеводы Федора Лодыжинского о пожаре в Ливнах 1647 года: “... В нынешнем, Государь Алексей Михайлович (1645-1676г.), в 155 (т.е. в 1647г.) августа в день 17 в четвертом часу дня после обедни волею, Государь, Божею загорелся в Ливнах в Сергиевском монастыре храм Чудотворца Николы и тот монастырь сгорел...”

Что любопытно, сам Федор Абросимович после этого отчета был посажен в Ливенскую тюрьму, его же сослуживцы, которые находились рядом с ним, князь Георгий Семенович Куракин и Андрей Васильевич Клепиков-Бутурлин не пострадали.

Иногда в Ливнах, учитывая стратегическую важность города, правительство назначало по двое воевод, а при известии о приближении неприятеля еще и осадную голову. Лодыжинский и был осадничим головой.

Из Москвы помощь была оказана незамедлительно. Уже через два года, к 1649 году, Ливенская крепость и монастырь были фактически восстановлены полностью. Но уже через 12 лет вновь отстроенный монастырь был уничтожен в очередной раз до основания. В своей челобитной строитель Сергиева монастыря Макарий от декабря 1660 года пишет: “... В прошлом 167 (1659) году в приход под Ливны крымского хана и изменников черкас на Ливнах Сергиев монастырь, две церкви — церковь соборная и теплая, кельи игуменская и братская, хлевня и поварня, сушило, два амбара с всякими монастырскими запасами и около монастыря оград с всякими монастырскими строениями, в то время разорено и выжжено без остатка.

И в прошлом, Государь, во 168 году отпущен я, богомолец, твой, в тот Сергиев монастырь по челобитью Ливенцев вкладчиков строить монастырь.

А в монастырской, Государь, казне от такого разорения денег и всякого монастырского заводу не осталось ничего...”

Сильно пострадали крестьяне приписанные к Сергиевскому монастырю. И в свою очередь просили помощи и защиты у царя Алексея Михайловича. Это следует из челобитной крестьян Ливенского

Сергиевского монастыря Ильи Иванова и других в 1660 году: “Живем мы, сироты твои, на монастырской тяглой земле. И в прошлом, Государь, во 168-м году, в приход крымских людей воевода Н.Ф. Толстой нас, сирот твоих, посылал с Ливен на Оскол в первой станице за крымскими людьми. Да у нас же, сирот твоих, под твою, Государеву, казну в прожатых ж город да города кляченки наши. Да нас же, сирот твоих, емлют к твоей, Государевой, казне на кружешный двор в целовальники против городских посадских людей. Да нас же посылают с твоим Государевом запасом на низ к ратным людям в гребцах. А на твоих, Государевых, воевод поневоле про их обиход сена косим, а на дворы дрова возим, и пиво на них варим беспрестанно.

И в приход, Государь, от крымских людей дворишки наши и гумна с хлебом смолоченным и не смолоченным пожгли без остатку. Животишко и скотинишко пограбили без остатку. И от такого, Государь, разорения и от частых посылок дворишками постройка неколи и нечем. Живем с женишками и з детишками на пепелищах по ямам, скитаемся меж двор, помираем голодной смертью. До конца погибли и без остатку разорены”.

Помета: “169 января 29 Государь пожаловал, на воевод лес и сено косить, и пиво варить и в Ливнах посылки посылать не велел”.

В 1692-1693 гг. игумен Иосиф начал строить каменный храм Успения Пресвятой Богородицы с приделом Сергия Радонежского, оконченный в начале XVIII века.

С 1686 г. монастырь приписан к Архиерейскому дому, учрежденному в Ливнах.

В 1725 году в монастыре кроме Успенского собора и деревянных келий была круглая дубового леса колокольня с 5 колоколами. Монастырь окружала деревянная ограда, из 25 звен состоящая.

В том же году монастырь был закрыт, т.к. царь Петр издал указ, который гласил: “Малобратственные монастыри и пустыньки весьма упразднить”. Но вскоре по прошению ливенских жителей его открыли вновь.

В 1731 году начинается строительство стен вокруг монастыря и надвратной церкви-колокольни Тихвинской Божьей Матери. Она закончена в 1734 году при архимандрите Иоанне. Позднее на ней были установлены часы с боем, которые не сохранились.

Строительство стен закончилось в 40-е годы XVIII века. Их общая длина составила 315 метров. Стены имели двое ворот и 4 башни.

В 1746 году при архимандрите Алексее (в схиме Авраам) придел святого Сергия Радонежского расширили сообразно с прежним фасадом. Основные обмеры церкви: длина с папертью 20 саж., наибольшая ширина 5 $\frac{2}{3}$ саж. Разделяется на холодную и теплую. Длина настоящей холодной части 7 $\frac{1}{3}$ саж., ширина 5 $\frac{1}{3}$ саж. Над холодной частью большой купол, а по углам 4 главки. Высота купола до креста 8 саж. Окон в холодной — 13, наружных дверей — 2. Колокольня построена в 1780 году.

При монастыре в 1739 г было открыто духовное училище, так называемая “Русская школа”, одна из первых в России, которая главной целью ставила воспитание православного христианина. Учителями и наставниками были местные монахи, дьячки и диаконы. Надо отдать должное, что с поставленной задачей духовное училище справилось. Из стен духовного училища вышли видные религиозные деятели и философы, такие как С.Н. Булгаков, Феофан Затворник (Говоров Е. В.), профессор медицины Н.Н. Феноменов, авиаинженер Н.Н. Поликарпов и многие другие. Сергиевский монастырь стал своеобразным университетом распространения христианской культуры и грамотности. Он одновременно был и школой, и картинной галереей, и своеобразным театром-оперой для широких народных масс независимо от возраста. Он был доступен и достаточно демократичен.

Монастырь продолжал свое существование после указа Петра I еще 40 лет. Только в 1764 году вышел указ Екатерины II в отношении монастырей. Этот указ под названием “Духовных штатов” предусматривал ликвидацию монастырских вотчин, перевод монастырей на государственное жалование и распределение их по штатам (классам). В сентябре 1764 года в Сергиевский монастырь прибыл подпоручик Киевского пехотного полка Сергей Моссолитов (по второй губернской реформе Ливны входили в Орловскую провинцию Киевской губернии (1719–1778гг), с целью составить описание всех владений и имущества для ликвидации Сергиевского монастыря.

Монастырь был зачислен в разряд “заштатных” “... яко в изли-

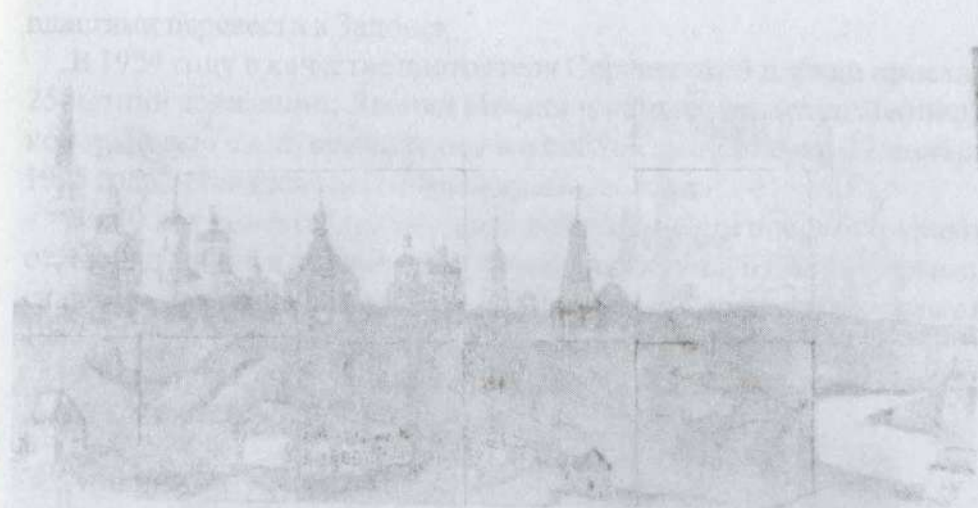

Сергиевская церковь

шестве состоящий и к пропитанию своему довольствия не имеющий". Иноки были переведены в Оптину пустынь, земля отдана во владение известному графу Ростопчину Ф.В. будущему московскому военному губернатору 1812 года.

После очередного большого пожара в 1772 г стены монастыря были разобраны на камень, вал был срыт для гражданской застройки по новому утвержденному Екатериной II плану.

В 1848 году трапезная храма была расширена в западную сторону, "фасад же сохранен без малейшего отступления". В 1881 году в церкви был установлен новый иконостас, "но во всем сообразно с прежним, без малейшего отступления." В том же году к храму с за-

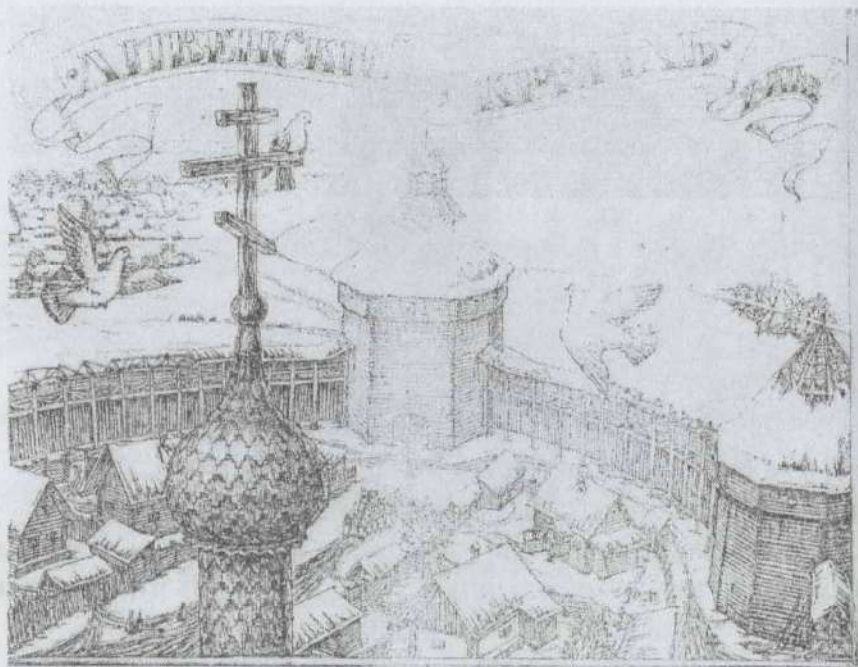
Вид на Ливны со стороны Воробьевки, нач. XX в.
падной стороны пристроена каменная паперть.

Тихвинская церковь была упразднена в 30-е годы XIX века, и в ней разместилось духовное управление. В 1882-1885 гг. над пещерой была построена Александровская часовня.

В церкви имелось несколько древних икон: Преподобного Сергия, Великомученика Иоанна Воина, Христа Спасителя, Смоленской Божьей Матери и другие, которые сохранились в "своем первобытном виде и никогда не были обновлены, а также несколько старинных крестов: 1671, 1701, 1745, и др. годов. На колокольне висело девять колоколов, из которых наибольший весил 208 пудов, отлит в 1831 г. В 1903 году помещение под колокольней отдано под "Русскую школу".

При советской власти Сергиевскому храму чудом повезло. Его обошла трагическая судьба, постигшая другие ливенские храмы. Теперь их можно видеть только на старых фотографиях. Ранее они придавали городу неповторимый облик, особенно если на панораму города смотреть со стороны леса Липовчика. Город, раскинувшийся на высоком мысу над рекой Сосной, своим видом напоминал Киев.

Сергиевский храм закрыли только в 1938 году. В трагические дни Великой Отечественной войны, когда сотни самолетов сбрасывали на город свой смертоносный груз и работала дальнобойная артиллерия, архитектурный ансамбль сильно пострадал. Остались только стены и своды. По воспоминаниям прихожанки Белозерцевой, фа-

Ливенский кремль. рис. В. Неделина

шисты разбили иконостас, а в алтарь вкатили пушку и через окно держали под обстрелом Елецкое шоссе в районе тюрьмы. В помещении церкви содержали коров и лошадей, реквизированных у населения. Выломали решетки ограждения и оконные решетки, сняли с колокольни крест с флюгером. До войны была разрушена Александровская часовня над пещерой.

В 1948 году власти разрешили открыть церковь в городе Ливны. Выбор пал на Сергиевскую. Из епархии прислали священника. Храм был в разрухе и запустении. Стены были черными, с осыпавшейся штукатуркой, конский навоз на полу, множество гильз и разного мусора, разоренные алтари и выбитые окна. Под сводами храма летали дикие голуби и галки. В главном алтаре стояла навсегда умолкнувшая пушка. Ветер гулял по храму.

Многие годы ушли на восстановление храма силами и средствами прихожан. Первоначальное восстановление храма шло под руководством отца Митрофана, которого пришлось из-за конфликта с

властями перевести в Задонск.

В 1954 году в качестве настоятеля Сергиевской церкви приехал 25-летний священник Леонид Иванович Илькевич (отец Леонид), который всю свою оставшуюся жизнь до самой смерти 22 ноября 1995 года оставался настоятелем храма.

За 40 лет своего служения настоятелем Сергиевского храма о. Леонид добился полного восстановления храма, и Свято-Сергиевская церковь стала кафедральной. Роспись в Сергиевском храме в 1968-70 годы сделал московский художник П.А. Гладков.

Примечания:

Аршин – 71,12 см
Сажень – 2м 13 см
Четь – 1/2 десятины
Десятина – 1,09 га

ПЕРЕЧЕНЬ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ, ЧАСОВЕН И КЛАДБИЩ Г. ЛИВЕН В XVI-XX в.в.

МАЛЫЙ ОСТРОЖЕК:

1. Троицкий собор
2. Рождества Богородицы
3. Св. Параскевы Пятницы
4. Св. Николая Чудотворца
5. Воскресения Христова
6. Св. Пророка Илии
7. Дмитрия Солунского
8. Вознесенская

БОЛЬШОЙ ОСТРОГ:

1. Сергиев монастырь
2. Благовещения Пресвятой Богородицы
3. Св. Великомученика Георгия
4. Св. Афанасия
5. Св. Параскевы Пятницы
6. Св. Василия

7. Св. Николая Чудотворца
8. Св. Фрола и Лавра
9. Покровская
10. Архангельская
11. Успенская
12. Мученика Христова Никиты
13. Архангела Михаила
14. Вознесенская
15. Новая Георгиевская
16. Дмитрия Солунского
17. Духовное училище
18. Тюремная церковь
19. Новая Никола
20. Часовня Александровская

Итого 27 храмов.

ИСТОЧНИКИ:

1. ЦГАДА, ф. 210 Разрядные приказы Белгородского стола (1630г., 1631г., 1660г.)
2. В.Н. Сторожев. Материалы по истории русского дворянства. Вып. 2, М., 1909г.
3. ЦГАДА, ф. 210 Спорное дело между Сергиевским монастырем и Ливенскими стрельцами. Белгородский стол. 1658 г.
4. Пясецкий Г. Исторические очерки г. Ливен и его уезда.
5. Труды Орловской ученой комиссии. Орел, 1894 г.
6. В. Ромашов, В. Неделин. Архитектурные древности Орловщины. "Вешние воды", Орел, 1998 г.
7. Белозерцева Е. Ф. История восстановления Сергиевской церкви. Рукопись 1994г.

Оглавление

А. Артемьев Город Ливны и Ливенский уезд.....	3
Клавдия Дорофеева. Дневники	47
Олег Якубсон Православные храмы г. Ливны XVI - XX в.в.	80

Сдано в набор 15.10.04г.

Подписано в печать 16.11.04г.

Бумага офсетная 65 г/м²

Формат 60x84/16

Условных печатных листов 13,02.

Печать офсетная. Тираж 500 экз.

ОАО «Типография «Труд». Ливенский филиал.

Заказ № 2218.